

МАРИНА ИВАНОВА

Круговорот любви

Семейная сага
- трилогия
Часть 1

18+

Марина Иванова Иванова
Круговорот любви
Серия «Семейная сага», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774477

SelfPub; 2020

Аннотация

События развиваются в конце 60-х годов. Лучшая студентка МГУ, учительница словесности Оля Снежко (23) ссорится со своим молодым человеком – студентом юридического факультета Пашей Авериным, уезжает работать в село. Три ее лучшие подруги из Украины, Белоруссии, Молдавии едут вместе с ней. Их встречает дружный педагогический коллектив. Но с девушками происходят странные вещи в этом селе. В школе на них кто-то покушается, устраивает поджог. Оля подозревает соседку – процентщицу Клару. И не зря, потому что у нее собираются подозрительные личности, среди которых главарь банды "Волчица". Кто он?

Содержание

ВСТРЕЧА	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	55
Глава 8	67
Глава 9	75
Глава 10	82
Глава 11	89
Глава 12	99
Глава 13	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Моим родителям Таисии Яковлевне и Ивану Михайловичу Черниковым посвящается.

ВСТРЕЧА

Глава 1

«Пятый курс – все на борьбу с безграмотностью! Село вас ждет!».

– Что это за объявление висит в центральном холле? – расталкивая студентов, спрашивала комсорг группы филологов Ольга Снежко.

На нее влюбленными глазами смотрел высокий симпатичный юноша, студент юридического факультета Паша Аверин. Он давно влюблен в Олю, но она видела в нем только друга. С первого курса Паша увязался за нею в профсоюз университета, радовался, что находится рядом, посещал из – за нее все комсомольские собрания, участвовал во всех конкурсах, не пропускал ни одной программы: «Алло, мы ищем таланты!». Конечно, все таланты были у Оли Снежко, он был в этом уверен. Оля Снежко действительно выглядела как актриса – красавица, умница, спортсменка. Темно-русые волосы подчеркивали голубизну небесных глаз в обрамлении пушистых длинных ресниц, губы – бантиком, матовый цвет лица. Паша восхищался тем, что на ней не было ни капли косметики: тональные кремы, пудру, тушь она не использовала. Лицо было свежим, здоровым, молодым.

Оля пробиралась к стенду, чтобы прочесть лозунг – при-

зв. Возле объявления стоял Пашин друг Магомед, такой же высокий, как Паша, только чернявый в отличие от него. Магомед удивленно посмотрел на Олю, которая пробиралась к объявлению, возмутился, что лезет без очереди.

– Снежко, куда вечно спешишь?

– За порядочностью! – ответила Оля, окатив парня холодным пренебрежением.

– А где Лена?

– В столовой стресс заедает, где же ей быть?

– Какой стресс? – удивился Магомед.

– Не переживай, понимаю, мама сказала на своей женись, поэтому Ленка побоку!

– Язва ты, Снежко!

Паша отодвинул в сторону друга, закрыл собой Олю.

– Быстро извинился! – потребовал Паша у Магомеда.

Но Оля стала между друзьями и громко произнесла:

– Паша, отойди, сама могу за себя постоять и за подруг тоже! А вы не ссорьтесь, не люблю я этого. Пусть лучше перед Леной извинится, бабник!

Оля толкнула Магомеда в плечо, побежала по коридору любимого университета, постоянно подтягивая на плечо набитую учебниками тяжеленую сумку.

Три красавицы – Леночка Маленькая, Вера Большая и Лида Николаенко жили с Олей Снежко в одной комнате общежития, дружили, начиная с абитуриентских посиделок, заканчивая плаканьем в жилетку до последнего курса. Они

сдали на «отлично» летнюю сессию, счастливые перешли на последний пятый курс филологического факультета Московского государственного университета, в народе называемого МГУ.

Судьба свела вместе четыре братские республики в одном престижном столичном Вузе. Вера Большая, – высокая статная девушка была из Белоруссии. Она родилась младшей дочерью в большой семье, где разница между старшей дочерью и младшей, – двадцать лет. Родители умерли очень рано, когда Вере исполнилось только двенадцать. Старшая сестра, которой было в то время сорок лет, взяла ее на воспитание в свою семью. У сестры была дочь на год старше Веры. Так бывает в жизни, что тетя на год младше племянницы. Не нужно гадать, чтобы понять, кому из детей в семье было намного сложнее жить. Старшая сестра Веры Большой всегда издевалась над младшей сестрой. Она срывала на ней злость несостоявшейся семейной жизни, срывала на ней плохое настроение и просто так обижала ее, потому, что ей так хотелось.

Другую девушку, которую догоняла Оля Снежко, звали Леночкой Маленькой. Она приехала на учебу из Молдавии. Родилась и выросла в деревушке, где маленькие дети постоянно плакали оттого, что ночи были не такими темными, как им хотелось. Они любили темную ночь, потому что тогда можно было украсть побольше кирпича у соседей на новый строящийся дом.

Маленькая Леночка была небольшого роста, с черными

кудряшками, струящимися до плеч, круглолицая, с миловидным личиком и румяными щечками. Она всегда заливалась веселым смехом над любой шуткой девчонок. Леночка дружила со всеми студентами университета, не только своего факультета и курса, но и со старшекурсниками разных факультетов МГУ. Ее заразительный смех можно было услышать то в одной, то в другой комнате общежития. Досмехалась до того, что влюбилась в Магомеда, студента юридического факультета, не расставалась с ним до сегодняшнего дня, пока случайно не узнала, что он помолвлен с девушкой своей национальности.

Третья девушка, Лидия Николаенко, была из Украины. Она считалась самой красивой девушкой МГУ. Длинная черная коса, заплетенная назад, высокомерно поднимала ее красивую головку, Лида шла по университету, как королева. Ее стройный стан плавно проплывал по коридорам старинного здания. Все окружающие смотрели на нее, видели в ней героиню произведений Льва Николаевича Толстого. Студенты между собой называли ее Наташей Ростовой. Казалось, что она принадлежит другому времени и не должна быть их современницей. Лида Николаенко завораживала взгляды юношей своей красотой. Они не могли оторвать взгляд от черных глаз, которые были подчеркнуты красивой формой бровей и алых зовущих губ, которые украшали нежно-розовое матовое личико. Она была само спокойствие, казалось, никуда никогда не торопилась в отличие от своей любимой

подруги, Оли Снежко.

– Девочки, подождите меня, пожалуйста. Почему так быстро ходите всегда, – запыхавшись, кричала Оля Снежко, догоняя подружек.

Оля Снежко – голубоглазая красавица, похожая на ангела, обладала неиссякаемой энергией. Эта была девушка вихрь! Девушка-вулкан! Девушка – сама грациозность России! Она была активисткой со школьной скамьи. Занималась профессионально гимнастикой. Пластичная, с выточенной фигуркой, сводила с ума всех парней института. Многие скульпторы хотели ваять такое совершенство линий, художники, – писать ее портреты. Голубые глаза, полные интеллекта, внимательно смотрели на собеседника. На ее лице без фальши можно было прочесть, что она думает о человеке, с кем беседует. Очень эмоциональный человек Оля Снежко всегда была генератором новых идей.

В институте ей пророчили большое будущее. Она, как и все девочки комнаты, шла на красный диплом. Учеба ей нравилась, будущая профессия учительницы русского языка завораживала. Она знала все правила русского языка наизусть, ее среди ночи разбуди, она расскажет их так, будто сама была автором этих правил. В аспирантуру ее забирали сразу после окончания института.

Ей предложили работу на кафедре с приличным окладом, с предоставлением жилья. Остаться в Москве после учебы! Об этом мечтали все студентки университета! Замуж выйти

за москвича, – никто! Во всяком случае, никто из наших четырех героинь, которые не догадывались, какой круговорот жизни им приготовила судьба!

А судьба распорядилась так: кавалеров у девушек было пребольшое количество, но все они были только друзьями. Девушки хотели овладеть специальностью настолько хорошо, что, кроме как об учебе, они вообще ни о чем не могли думать.

– Все еще успеем, – говорили они, когда секретничали в комнате общежития. – Главное, – быть нужными школе и детям. А дальше, когда будет любимая работа, знания, которыми можно будет уверенно поделиться, и замуж можно выйти за достойного, чтобы от него не зависеть. А в случае, если этот достойный недостойно себя поведет, то расстаться с ним незамедлительно, суметь обеспечить себя, детей достойным существованием.

– Девочки, я еду! – сказала Оля, догнав своих подруг. – Я пока бежала, все время думала об этом объявлении на стенде.

– Куда едешь? – уставились на нее удивленно подруги.

– Как куда? В село, поднимать грамотность у сельского населения.

– Я с тобой! – всхлипывая, произнесла Леночка Маленькая.

– Успокойся! – громогласно пробасила Вера Большая, – тебе лишь бы от Магомеда убежать! А ты, Оля, от кого бе-

жишь?

– Я бегу за судьбой! Буду учить грамоте сельских ребятишек! – засмеялась Оля.

– Ты об этом объявлении, что в холле висит? – спросил, подошедший Паша Аверин. – Да кто же тебя отпустит? Ты без пяти минут аспирантка, которой пророчат преподавательскую карьеру нашего любимого университета.

– Да, рассмешила ты нас, это точно, – поддержала его Вера Большая.

– Нет, я твердо решила. Я – учительница русского языка сельской или деревенской школы. Это мое призвание. Я только что позвонила нашему куратору, он сказал, что пятый курс по желанию переходит на индивидуальный план обучения. Если есть желание, то можно начинать работать учителем хоть сейчас. Практика, как защита диплома, тебе только два раза нужно будет приехать на сессию.

– Это глупо. Бросать кафедру, комитет комсомола, ехать в какую – то деревню, – возмутился Паша Аверин.

– Пашка, ты карьерист? А говоришь, что любишь меня. Когда любят, понимают! Ты такой же, как твой друг Магомед!

Оля развернулась, обняла Леночку Маленькую, пошла к выходу из университета.

– Оля, подожди, ты меня не поняла!

Оля на ходу повернулась к Паше, вздохнула.

– Еще как поняла, не ходи больше за мной, слышишь!

Девочки посмотрели на Олю удивленно, переспросили ее вновь. Они не поверили тому, что Оля, гордость института, собралась уезжать в далекую, никому не известную деревню. Перспектива быть забытой навсегда очень испугала девочек. Ни для того они старались поступить в престижный Вуз, не для того старались учиться на одни пятерки, не для того приехали в столицу, чтобы похоронить себя молодыми в деревне.

Когда тебе всего двадцать лет, ты думаешь, что ты уже очень старый и мудрый человек. Любое твое мнение правильное. Другого — не приемлешь. Знания, полученные в университете, нужно только совершенствовать. Кажется, ты уже все знаешь, можешь перевернуть весь мир.

Любовь, о которой мечтаешь, — чистая, светлая, обязательно огромная, — должна быть настолько необъятной, что не хватит всей Вселенной, чтобы ее вместить. Дружба должна быть преданной настолько, что ты, закрыв глаза и отбросив все страхи и сомнения, забыв о себе, мечтаешь броситься на защиту своей единственной подруги или друга. Все в двадцать лет воспринимается по максимуму. Это и есть юношеский максимализм. Можно сколько угодно находить плюсов и минусов в такой трактовке жизни. Но одно ясно, — что в двадцать лет ты готов перевернуть мир, у тебя для этого есть силы...

Глава 2

– Конечная остановка, – громогласно прокричал водитель маленького старенького автобуса. – Конечная остановка, – Горькая Балка.

– Ой, какое страшное название, – Горькая Балка. Скажите, пожалуйста, дорогой водитель, почему это село так называется? – спросила, сделав испуганное лицо, Оля Снежко. Девочки переглянулись, толкнули подругу в бок и поспешили к выходу.

– Нет, почему Горькая? Взяли бы назвали Сладкая Балка. Все ж веселей, а то Горькая? – продолжала настаивать Оля.

– Ты поживи тут с нами и поймешь, что нашей селе названия Горькая Балка очень подходит, нашей селе именно эта названия нужно, – пробубнил возмущенный водитель сильным кавказским акцентом.

– Ой, ой, ой, как мы вовремя приехали! – засмеялась Оля. – Поднимать срочно нужно грамотность у населения. И девчонки, смеясь, выскочили из автобуса.

На вокзале стояла целая делегация, встречающая молодых учителей из Москвы. Женщина, точная копия актрисы Людмилы Гурченко, махала рукой девочкам, как старая знакомая. С нею рядом стоял молодой красивый юноша и взрослый мужчина – инвалид, с перевязанным глазом. Они так радостно встречали молодых девушек, будто знали их давно

и очень за ними соскучились.

– Здравствуйте, коллеги, – сказал, улыбаясь, мужчина без глаза и, протянув каждой из них руку, представился:

– Директор школы, Ефим Ефимович. Несказанно рад, несказанно рад, нашему полку прибыло.

Женщина театральной внешности обняла девчонок по очереди и все время приговаривала:

– Молодцы, что приехали, мы вас тут и замуж выдадим, и с жильем поможем. Кстати, вот у нас уже есть один холостой, – показывая на юношу, стоявшего рядом, произнесла актриса-учительница. – Девчата, налетайте, знакомьтесь – Евгений Петрович Черкашин, учитель начальных классов. Завидный жених!

– Спасибо за рекламу, а почему завидный? – спросил молодой человек, смущаясь. – У меня даже жилья своего нет. У вас, если помните, Людмила Егоровна, квартируюсь.

– Но это временно, – пробасил директор школы. – Всех поженем и квартиры дадим. Так что все будет хорошо. – И, подхватив чемоданы девушек, scomандовал: – Жень, хватай чемоданы у невест, пошли знакомить их с новым местом работы. Ой, сначала давай отведем их в новый дом, а потом на место работы.

– А вечером обмоем новоселье, – смеясь, предложила Людмила Егоровна.

– Это, само собой. Вечером всем коллективом на новоселье. Расходы я беру на себя. Так что, девчата, не бойтесь, а

то гляжу: перепуганные такие идете, – подхватил разговор Ефим Ефимович.

В это время из – за дерева за девушками внимательно наблюдал незнакомый мужчина. Он старался быть незамеченным. Единственно, что его выдавало, это то, что он постоянно оглядывался по сторонам, боясь, что его увидят. Успокоившись, что его не заметили, мужчина сплюнул и быстро зашагал в сторону заброшенной кошары.

Дружная процессия, ничего не замечая, продолжала весело шагать по пыльным улицам села. Куры, кудхтая, перебежали с одной стороны улица на другую, будто играли в догонялки. И тоже старались понравиться вновь прибывшим молодым учителям.

Дома стояли вразвалочку: небольшие домики наклонились крышами к своим младшим братьям, как их называют, летним кухням. Времянки строили как временное жилье, поэтому и назывались они времянками или летними кухнями. Их строили переселенцы, когда приезжали осваивать новые земли. Прежде чем строить уже добротные дома для того, чтобы в них жить нескольким поколениям, они возводили сначала маленькие домики из двух комнат, заселялись туда. А затем, если хватало денег, строили рядом большие красивые дома. Бывало такое, что некоторые так и оставались «временными» навсегда! На подворье также ставили хозпостройки: сараи, курятники, коровники и, конечно, подвалы-погреб. Подвалы – это была гордость всех селян. Ле-

том там держали в холоде продукты, а зимой хранили заготовленные летом соленья и собранный своими руками урожай картофеля, свеклы, моркови.

Вера, Лена, Оля и Лида шли легко паря над сельской пылью, высоко поднимая ноги, потому что им было очень удивительно то, что, когда они наступали на пыль, она поднималась нежным облаком и сопровождала их. Людмила Егоровна, не переставая щебетала, она рассказывала девочкам о прелестях сельской жизни, о том, какие фрукты и овощи растут в этом красивом уголке земли, – на ставрополье.

– Девочки, здесь нет ни заводов, ни фабрик! Экологически чистая зона! Дети рождаются здоровые, умные, – говорила она. – Это судьба, что четыре самые лучшие студентки МГУ приехали в захудалую деревню. Вы – красавицы! Умницы! И просто молодцы, что не испугались и приехали к нам в село. У нас здесь очень хорошо! Вам понравится.

Девчонки шли, рассматривали с любопытством село, в котором будут жить. Небольшие аккуратно побеленные домики стояли по обеим сторонам улиц. Детвора бегала босиком, поднимая пыль, весело играя в прятки. Они так были заняты своей игрой, что не замечали никого вокруг. И только один из них, увидев приближающуюся процессию, толкнул рядом стоящего друга, и они дружно крикнули хором:

– Здравствуйте, Ефим Ефимович и Людмила Егоровна!

– Здравствуйте, здравствуйте, а почему вы только с нами поздоровались? Вы видите, мы не одни идем, – строго пома-

хав пальцем, произнес директор школы.

– Здравствуйте, а мы их не знаем, – ответил, рассматривая с интересом приезжих, белобрысый мальчишка.

Настолько белого цвета были у него жесткие волосы, что он напоминал своим цветом волос иссиня-белый школьный мелок, которым писали на доске.

– Это наша местная достопримечательность, – сказала Людмила Егоровна, обнимая мальчика. – Семья альбиносов. Двенадцать детей. Все дружные они у нас. И на уроках иногда тоже хорошо себя ведут, правда?

– Да, мы хорошие! А это к вам родственники приехали?

– Ты что? Какие родственники?! – произнесла подбегающая девочка.

– Мне мама сказала, что к нам новые учителя приезжают. Правильно я поняла, это учителя молодые, да?

– Да, правильно. Это ваши молодые и красивые учителя. Будете учиться у самых красивых учителей.

– Ура, у нас будут самые красивые учителя! – закричали дети и побежали рассказывать последнюю новость другим школьникам. Им очень хотелось первыми рассказать, что они видели новых учителей.

– Евгений Петрович, это ваши подопечные, между прочим, – сказал директор школы.

– Я уже это понял и успел полюбить их за открытость, – произнес молодой человек, немного стесняясь.

Евгений Петрович Черкашин, красивый, высокий юно-

ша, с темными выющимися волосами, зачесанными назад, изумрудными глазами, стеснительный от рождения все время молчал, пока нес чемодан и сумку Оли Снежко. Почему-то он именно у нее взял чемодан и сумку. И, смущаясь, рассматривал худенькую девушку, которая легко парила над сельской пылью.

Все девушки были красивыми, совершенно разными, но молодость всех объединяла именно своей девичьей непосредственностью. Они шли с широко раскрытыми глазами, изучали Горькую Балку и были очень удивлены такому радужному приему.

Евгений Петрович Черкашин был выпускником черкесского педагогического училища, окончил его на «отлично» тоже, получил распределение в село Горькая Балка и очень испугался названия.

«Интересно, почему оно так называется?»— постоянно думал он.

И Людмила Егоровна поведала ему такую историю, что по селу протекает местная речка, которая названа Горькая Балка, потому что в речке была темная, черная вода. А черная она была потому, что река была очень илистая. Ила в ней было больше, чем воды. Река была узкая и неглубокая. Она протекала в конце села в низине, в небольшом овраге, который тоже назывался Горькой Балкой. Вода на вкус была горько – соленой. Отсюда и название такое пошло. Село располагалось на юго–востоке Ставропольского края. Зеле-

ни было мало. Климат – сухой. Но в центре села находился большой зеленый парк рядом с артезианской трубой, из которой текла самая вкусная чистая родниковая ледяная вода. Этот парк был местной достопримечательностью села.

В центре парка возвышался один единственный памятник, – защитникам Отечества! Возле него постоянно стояли в карауле школьники, отдавая священный долг памяти погибшим героям!

Название Горькая Балка совсем не соответствовало светлой энергетике села. Дышалось здесь легко, люди были очень светлые, гостеприимные. Они так расположили к себе молодых учителей, что девочки уже через десять минут знакомства весело щебетали со своими новыми друзьями, и видно было, что село нисколько не разочаровало их.

– Смотрите, а здесь еще и многоэтажки строят! – удивилась Оля, проходя мимо новостроек.

Целая улица двухэтажных коттеджей с красивыми балконами выстроилась в ряд.

– Это наш председатель колхоза, Светлов Виктор Алексеевич, строит дома для новых специалистов, – гордо произнес Ефим Ефимович. – Вообще-то у нас колхоз-миллионер, мы вам для справочки говорим. Горькая Балка, – побратим с болгарским селом Бартаво. Наше село образцово-показательное в стране. К нам очень часто приезжают иностранцы с дружественным визитом за обменом опыта. Вы еще клуб наш не видели! А какой у нас будет новый современный Дво-

рец культуры, который строится в центре! Школу нашу председатель колхоза очень любит, всегда помогает нам. Вам, молодым специалистам, выделил целый дом под жилье рядом со школой. Правда, без удобств пока, зато печка очень хорошо топится, а уголь выделяет колхоз бесплатно, дрова тоже есть. Короче, на всем готовом будете жить.

Девочки переглянулись между собой. Они никогда в жизни не топили эти печки. Даже не знали, как уголь выглядит. Кроме, конечно, Леночки Маленькой, которая жила в молдавской деревне. Всю жизнь, прожив в городе, они мало что знали о деревенской жизни. Но страшно почему-то не было. «До зимы еще очень далеко», – думали они.

На улице светило южное солнце, воробьи счастливые купались в пыли, август месяц был в разгаре. Новая жизнь манила и звала своим медовым запахом, витавшим в воздухе. Деревенские запахи очень отличались от городских. Чистый деревенский воздух, наполненный ароматами свежей скошенной травы, запахом чабреца и мяты, вскружил головы молодым девушкам. Никакие французские духи не могли заменить этот пьянящий аромат.

– Девочки, как здесь легко дышится! – кружась, говорила Оля. – Мне здесь очень и очень нравится! Люди здесь такие приветливые! Вы заметили, что сельские жители намного проще, чем городские? Мне они очень нравятся, Горькая Балка тоже. Я здесь останусь надолго, – это точно.

– И мне здесь нравится, – произнесла красавица из Укра-

ины Лида! – Похоже, я здесь тоже надолго задержусь!

Вера с Леной переглянулись и тоже закивали головами, соглашаясь с подругами. Они дружной процессией подходили к своему первому добротному большому дому, который для них выделил председатель колхоза. Белый дом гордо стоял на границе стадиона, от него исходил запах чистой, свежей, только что нанесенной побелки.

Два окна смотрели на улицу, которая называлась символично, – «Школьная». Забор и калитка выходили на ту же асфальтированную улицу, на которой даже были столбы с фонарями для освещения, как в городе. Рядом с домом находилась небольшая времянка из двух комнат, совершенно нежилая, но также красиво побелена снаружи. Во времянке в первой комнате стояла старинная русская печь, а во второй комнате был насыпан черной горой уголь для печи. Комната с печкой заменяла все хозяйственные постройки, вместе взятые, потому что лопаты, грабли, мотыги находились в первой комнате. Достопримечательностью этого поместья было огромное тутовое дерево, которое росло рядом с временемкой. Оно было настолько высоким и огромным, что ствол не могли обхватить даже четыре человека. Чуть поодаль возвышался небольшой холмик с черепичной крышей и добротной деревянной дверью с амбарным замком.

– А что это за сооружение, бомбоубежище? – спросила смелая девушка, Оля Снежко.

– Да нет. Это сельские закрома. То есть подвал, в кото-

ром хранят соленья, картошку на зиму! Да и молоко, чтобы не прокисло, – торжественно произнес Ефим Ефимович, директор школы. – Но его мы вам покажем чуть позже. А сейчас пойдёмте знакомиться с вашим новым жильём. – И он показал на самый главный большой дом.

Из-за забора слева выглядывала неопрятного вида женщина. Волосы немытые, растрепанные, замусоленный халат прикрывал старое протертое спортивное трико. Казалось, от одного вида этой женщины исходил неприятный, зловонный запах.

– Ой, здрасьте, а вы наши новые соседи? – спросила неприятная дама, натягивая на голову рваную соломенную шляпу. – Очень рада познакомиться. Меня зовут Клара. Муж у меня ученый, агроном. А я занимаюсь цветоводством. Если вам нужно цветочки купить или, там еще чего, обращайтесь, не стесняйтесь.

– Хорошо, хорошо, они обязательно обратятся к тебе, Клара Андреевна. Только сейчас не лезь ты со своим бизнесом к девчатам. Дай им обвыкнуться, – сказал строго директор школы.

– Ничего, ничего, ухажу, ухажу по делам. Буду вечером! Девочки, мы еще поговорим, – произнесла ехидно улыбаясь, отходя от забора, соседка слева.

– Хорошо, у вас соседки справа нет, только стадион. А вон там, через стадион, наша красавица школа. Видите? В зелени вся утопает! Там вы и будете работать. А с соседкой Кла-

рой поосторожнее. Наглая как танк она у нас, прет, не остановишь. Смотрите в долг у нее никогда не берите. А то она, если вовремя не отдашь, так проценты на проценты считает. Мало того под десять процентов в месяц занимает, так еще и проценты к основному долгу прибавляет! Она у нас подпольная миллионерша. А посмотрите, как живет! Не дай Бог так заболеть! Зачем ей деньги, если она их только копит да копит?! – задумчиво произнес Ефим Ефимович.

Двор соседки слева был завален всяким хламом. Никому не нужная макулатура, металлолом, старые выброшенные двери, окна, – все, что люди выбрасывали на свалку, оказывалось у Клары во дворе. Девочки обратили внимание на то, что окно в доме у нее закрыто старой невзрачной подушкой!

И единственный дом, который не был побелен снаружи, был у нее. О том, что находится внутри, можно было только догадываться...

– Ну, вот и напугал я вас страшной соседкой. А она не только внешне страшная, она еще и душой страшная. Так что с нею никаких «цветочков-лютиков».

Глава 3

Белый, чисто пахнувший дом широко распахнул свои голубые, только что покрашенные двери перед новыми хозяевами. Маленькое окошко рядом с дверью подмигивало девушкам, кокетничая, приглашало их зайти.

Девушки осторожно подошли к порожкам, так же осторожно заглянули вовнутрь и несмело зашли в свой первый собственный дом.

Первое, что они увидели, был маленький коридорчик-кухня с огромным прямоугольным столом, важно стоявшим возле маленького подмигивающего окна. Напротив стола у другой стенки находился красивый, в мелкую клеточку, диван, а сбоку торжественно красовались газовая плита и раковина. Справа находилась дверь в большой зал, прямо, – дверь в остальные две комнаты.

– Девочки! Ура! Какой большой и красивый дом! – закричала Оля Снежко, открывая дверь напротив.

– А что в этой большой комнате справа? – спросила Лида, красавица университета. – Смотрите, здесь даже стол круглый есть и трельяж. А кроватей нет и дивана тоже. Но мы тут будем заниматься подготовкой к урокам.

– Не переживайте, коллеги! Мы сейчас с учителями, у кого что есть, скинемся, принесем вам все необходимое. Вы не волнуйтесь, и кровати, и диваны будут. Поделимся, правиль-

но, Людмила Егоровна? – спросил директор школы.

– Да, конечно, это мы мигом! Заказывайте, что хотите, чтобы в новом доме было! Я запишу, и через полчаса все это у вас будет!

Девочки дружно забежали по комнатам. Посмотрели, что есть в наличии и что им хотелось бы еще приобрести. Они мечтали вслух. И даже не успели подумать, что это нескромно, как Людмила Егоровна уже составила список необходимых вещей.

И еще ровно через полчаса все это уже стояло в их новом доме, как она и говорила! Казалось, дружнее семьи, чем сельские учителя не могло быть. Молодежь несла кастрюли, тарелки. Диваны, кровати, несколько столов и стульев, полочки для книг, даже ковры на стены и паласы на полы, привезли на школьной машине. Все дружно обставляли новое жилье молодых учителей. А в то время, когда все наводили уют в новом доме, Ефим Ефимович повел приехавших учителей к новому рабочему «месту жительства», – средней школе номер восемь. Можно подумать, что в селе школ и правда было восемь, а не одна.

Школа была двухэтажной с очень высоким фундаментом, отчего казалась очень высокой и большой. Своей П-образной формой школа напоминала огромные ворота на школьном стадионе. Вокруг были посажены кусты сирени и фруктовые деревья.

К главному входу пролежала аллея из кустарниковых зарос-

слей. У девушек захватывало дух от того, что они подходили к святыне знаний, которая вскормила ни одно поколение талантливых учеников и дала Родине множество замечательных людей. Запах школы всегда отличался от других запахов в зданиях. Запах школы напоминал запах школьных мелков, запах вымытых хлоркой полов, запах поднятой на переменах учениками, пыли, запах свежей краски, и школьной столовой. Девочки заходили в свою новую школу с благоговением. Им казалось, что, переступая порог школы первый раз в качестве учителей, они клялись верности этому Храму знаний на всю жизнь.

– Девочки! – восторженно сказала Оля Снежко. – Как мне здесь нравится! Светлая такая школа, окна большие, коридоры – широкие.

Заглядывая в класс, девочки посмотрели на свежевыкрашенную доску, точно такого же цвета полы и дружно засмеялись.

– Осторожно, полы покрашены, не заходите, – испуганно произнес Ефим Ефимович. – Пойдемте в святую святых, – учительскую. – И, обняв рядом стоящих девушек, повел их в «комнату для отдыха», как называли учительскую старожилы школы. – Вы понимаете, главное в школе, – это умение расслабляться. Вам нужно, прежде всего, научиться отдыхать между уроками, как на фронте. Пять минут перемена, и вы брык на диван, кто успел. А кто, – нет, тот на стулья бах и растянулся. Иначе вас намного не хватит. Учителя должны

уметь абстрагироваться от своих подопечных. То есть нужно приобрести иммунитет, – это научиться не слышать ни криков, ни шума, ни воплей завистливых коллег. Только один голос вы должны слышать всегда, – это мой, директора школы.

В любой обстановке, только услышите мой голос, сразу бегите на помощь. Вдруг родители меня бить начнут или ревнивые мужья моих учителей за волосы таскать будут, – и он провел рукой по своей лысине.

Ефим Ефимович громогласно засмеялся, увидев лица своих новых коллег, которые еле сдерживали смех, глядя на лысого директора школы с перевязанным глазом.

– Да я шучу. У меня волосы от большого ума повылезали сами, никто меня здесь не бьет! Я здесь очень уважаемый человек. Вообще село очень любит учителей. Потому что ликвидация безграмотности необходима здесь всем. На нас смотрят как на святых. Учителя сегодня в почете. Родители умные в селе все. Понимают, что только если играть в унисон, можно достичь успехов в воспитании подрастающего поколения. Только глупые люди могут позволить себе обсудить учителя при своих же детях. На селе вообще очень мудрые люди живут, они прекрасно понимают, что только если за воспитание берутся все вместе, тогда и будет результат. Ладно, что-то я заболтался с молодежью. Заходите в учительскую, располагайтесь, как вам захочется. Привыкайте к новому месту работы, а я пойду распоряжусь насчет новосе-

ля.

Девочки робко открыли дверь, зашли в учительскую. Перед ними открылась большая длинная комната. Возле стены стоял огромный кожаный диван, по бокам такие же огромные, важные, два кожаных кресла. Возле двух окон стояли в ряд, подперев друг друга, длинные столы. Напротив, – возвышались забитые школьными принадлежностями шкафы. Оля подбежала к огромному кожаному дивану, подпрыгнула возле него и мягко упала на него спиной, провалившись в скрипящую блестящую кожу.

– Какая прелесть! Я целыми днями буду валяться здесь после уроков, отдыхать после тяжелого трудового дня! Какая мощная энергетика! Ощущение такое, будто ты лежишь на прохладном облаке, – смеясь, сказала Оля.

– Ладно, дай я тоже его примерю, – улыбаясь, произнесла Вера Большая.

Она важно присела на диван, как царица на трон. Оглянувшись по сторонам и высокомерно произнесла: «Мне кажется, что мы здесь вчетвером не поместимся, думаю, что в длину он подходит только мне. Все, решено, на нем буду отдыхать я.».

— А мне и кресла хватит, — укладываясь на кресло в ширину, воскликнула Леночка Маленькая. — Честно сказать, мне очень понравилась школа и село, где мы будем жить.

– И мне тоже. А люди, какие хорошие здесь, гостеприимные и очень добрые, – добавила Лидия, самая красивая де-

вушка Украины. — Оль, какая ты молодец, что нас из университета вытащила, сказала, — хватит уже штаны протирать, давайте деньги зарабатывать. А мы бы так и сидели за партами, а не за учительским столом, — гордо сказала, присаживаясь за стол возле окна, Лида.

Девочки изучали свое новое рабочее место с интересом. Заглядывали в окна, рассматривали школьный двор с бегущими маленькими человечками, будущими инженерами, врачами, актерами, которые носились по школьному двору и громко смеялись, подгоняя будущее. Вдалеке виднелся красивый зеленый парк и маленькая черная речка, которая называлась Горькая Балка.

«Почему Горькая Балка? — думала Оля. — Она должна называться Красивая Балка! Потому что здесь очень хорошо и красиво!».

Конечно, все понимали, что они начинают самостоятельно примерять на себя взрослую жизнь. А какая она будет? Этого из них никто не знал...

Глава 4

– Оля, а можно я к вам приду чая попить? – спросил, краснея, Евгений Петрович.

– Конечно, приходите, будем рады вас видеть, коллега. Тем более, что вы наш сосед. А мы с соседями живем дружно, даже с Кларой Андреевной, правда, девочки.

– Да это правда. От нее так воняет, что можно задохнуться, —брезгливо заметила Леночка Маленькая. – Я даже у нее спросила: «А почему от вас так воняет, это от коз, которых вы держите, или почему?» А она мне ответила:

«Конечно, когда ты мясо ешь, тебе, видно, не воняет. Белоручки, кроме своих учебников ничего в руках держать не умеете. А я вон раком стою на грядках, с каждого сантиметра по десятке снимаю.». А недавно, она с мужем пришла, стала измерять наш огород. А потом закричала, что мы случайно у нее метр земли оттяпали. Поэтому она должна свой забор перенести к нашему дому поближе. Сказала, что черешню мы можем этот год собирать. А потом она полностью переходит к ним.

– Нет, почему они раньше не измеряли землю? Почему сейчас решили, когда дерево у нас уже большое растет? Или они только сейчас узнали, что у них должно быть земли больше, чем у нас? – недовольно спросила Вера Большая.

– Да ладно вам, не нужно жадничать, пусть забирают хоть

весь огород. Можно подумать мы будем за ним ухаживать. У нас времени нет, да и желания, – сказала, смеясь, Оля.

– А я буду в огороде возиться. У нас в Горловке дача была как находка! После городского смога, хочется чайку на свежем воздухе попить, помидорчики с огурчиками свежие сорвать, цветочки полить, одно удовольствие, – задумчиво произнесла Лида.

– У нас в горах, в Карачаево-Черкессии, вообще землю завозили, – подхватил разговор Евгений Петрович. – Если у кого в горах огород был, столько камней на тачке нужно было вывезти, потом копать замучаешься; но зато если уродит картофель, то картошка вот такая бывает, – и Женя показал двумя руками, представляя картофель, – и добавил: – тридцать сантиметров в длину.

– Ну, ты даешь?! Такой картошки вообще не бывает, – засмеялась Вера Большая.

– Я сама из Белоруссии, там картошка так картошка! А ты – у нас в горах, у нас в горах!

– Нет, я не вру, правду говорю, у нас и малина в горах растет как яблоки! А кукуруза так полметра в длину.

Девочки стали смеяться, представляя полуметровую кукурузу.

– А у нас в Молдавии виноград такой, что сразу винные бутылки растут прямо на плантациях, – гоготала во весь голос Леночка Маленькая! – Нет, ну вы и врать все! Я прямо сейчас от смеха умру!

– А я никогда не вру, – сказал обиженно Женя. – У нас правда в горах очень все обильно растет. Там знаешь какие лопухи огромные, что их можно, как зонтик, носить под дождем.

– Жень, не смейся меня, – продолжала смеяться Вера Большая. – Я представляю ваши горы кавказские... А ты кто по национальности?

– Я – русский, – ответил Женя, допивая чай, кусая любимую зеленую мармеладку. – А что, я на нерусского похож? Или ты думаешь, что в горах только нерусские живут?

– Нет, просто ты закончил Черкесское педучилище, значит, ты черкес, – продолжала смеяться Вера большая.

– Ну, пусть будет так. А раз ты из Белоруссии, значит ты, – белоруска? А Леночка Маленькая, – молдаванка. Одна Оля Снежко – русская; хоть фамилия у нее украинская, но она же из России.

– А я – хохлушка по фамилии, – поддержала разговор Оля Снежко. – Это так называется, русская украинка. И не русская, и не украинка, что-то среднее. Но, вообще-то, я вам вот что скажу. Какая разница, какой мы национальности?! Мы прежде всего люди. Мы все очень похожи. Вот смотрите, – у нас у всех два глаза, один нос, один рот, две руки и две ноги. А в душе у каждого живет любовь и чувствуем мы одинаково: плачем, переживаем, радуемся и даже болеем одинаково! Какая национальность по-другому переживает смерть близких, потерю родных, голод и жажду? Никакая!

Так какая разница, кто мы и какой национальности? Страна у нас одна на всех – СССР. Поэтому нас все боятся, что мы – Союз Советских Социалистических Республик. А по одному нас давно бы всех перебили. Разделяй и властвуй называется! Не дай Бог, вот хоть на секунду представьте, что каждая национальность живет только в своей стране. Ужас ведь, да? Тогда бы, в конце концов, рано или поздно, мы стали выходить замуж и жениться на своих родственниках. А это привело бы только к одному – вымиранию нации и в результате к уничтожению людей на Земле.

– Ой, ты меня рассмешила, – засмеялась Леночка Маленькая. – Представила, что каждая национальность живет в своей собственной стране! Представила, что генеральных секретарей будет столько, сколько национальностей, и министров, и правителей? Я такое даже в страшном сне боюсь увидеть. Представляешь, Брежневых будет много и на Украине, и в Белоруссии, и на Кавказе, и в России, не смешите меня, пожалуйста. Зачем нам столько начальства?! Нет, люди все одинаковые, я согласна, только дураками почему-то считают русских.

– А это потому, что русских больше. Поэтому так и кажется, что дураков больше у русских, и плохих людей больше тоже у русских. Хотя на самом деле это вопрос спорный. Плохих национальностей нет. Есть только люди плохие и хорошие у разных национальностей.

Село Горькая Балка было многонациональным, но, ни у

кого никогда не возникало вопроса, – ты кто по национальности? В советское время все были равны, главная задача для всех была, – построение коммунизма, в котором все люди будут счастливыми, невзирая на их сословие и вероисповедание. Главное, чтобы везде людям разных национальностей жилось одинаково хорошо и в городе, и в деревне.

– Слава Богу, у нас пока один бессменный генеральный секретарь, Леонид Ильич Брежнев, послушайте, что он говорил о селе, выступая на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, – сказала Оля Снежко, открывая газету «Правда».

– А ты у нас далеко пойдешь, политикой интересуешься? – подмигнула подруге Вера Большая. – Так, что он там болтает?

– Он подчеркнул актуальность проблемы села. Вот что он сказал:

«Важную задачу мы видим также в том, чтобы приблизить тружеников села к городским жителям и по уровню благосостояния, и по культурно-бытовому обслуживанию, и по образу и удобствам жизни. Для нашей страны, где много миллионов людей живет в деревнях, – это задача в одинаковой мере и важная и сложная...».

Село Горькая Балка процветало на Ставрополье. Колхоз имени Ленина был самым успешным. В социалистических соревнованиях всегда побеждал дух коллективизма, который объединял разные слои населения. Все люди были рав-

ны: и крестьянин, и рабочий, и интеллигенция, и животноводы, и овощеводы, и правление колхоза, и председатель сельского совета, и сторож дядя Вася. В селе было четырнадцать магазинов, дом быта, кафе-ресторан, Дворец культуры и даже гостиница. Село боролось за звание, – «поселок городского типа». На улицах прокладывали асфальтированные дороги, ставили столбы с фонарями, чтобы освещать темные сельские улицы. Вечерами ходила вразвалочку сельская дружина с красными повязками. А перед показом индийских фильмов в клубе были танцы под настоящий духовой оркестр.

– Оля, пойдем сегодня в кино? – опустив глаза, предложил Женя.

– Да как-то неудобно, девочки, наверное, тоже хотят пойти, – прошептала ему на ухо Оля.

– А у меня денег на всех девочек не хватит. Я еще зарплату не получил, – сказал покрасневший юноша.

– У меня есть, давай я тебе дам, а ты всех нас позовешь, – сказала, подмигнув ему, Оля.

– Ладно, а я тебе с зарплаты отдам, – обрадовался Женя и сказал: – Девочки, хотите пойти в кино.

– Ура! Конечно, хотим, а ты нас что, приглашаешь? – запрыгала Леночка Маленькая.

– Да, мы вас с Олей приглашаем.

– Девочки, у нас парочка объявилась. Женя и Оля – жених и невеста, тили-тили-тесто! – продолжала пританцовывать

Леночка Маленькая.

– Ленка, я тебе сейчас отшлепаю, – засмеялась Оля. – Вот сейчас догоню, отлуплю, как в общежитии. Мы просто друзья с Женей. А никакие не жених и невеста. Скажи ей, Жень!

– А я бы не против был «жениха и невесты», мне нравится, что нас так называют. Но если ты против, тогда лучше, Лена, послушай мою невесту.

– Конечно она не будет против. Ты ей тоже нравишься, – кричала убегающая Лена.

– Ну, Ленка, держись, теперь я точно тебе язык вырву.

– Хватит бегать по дому друг за другом, как маленькие, – закричала учительским тоном Вера Большая. – А еще педагогами себя называют. Давайте быстрее собираться в кино, нужно еще потанцевать успеть. Вот там и посоревнуетесь.

Выбегая на свежий воздух, девушки не заметили во дворе у соседки Клары Андреевны мужчину, который встречал их на вокзале, спрятавшись за дерево. Мужчина, как всегда, зло сплюнув, произнес сквозь зубы.

– Какого черта их поселили рядом с тобой?

– Да я сама в шоке, что председатель колхоза отдал им самый лучший дом в селе, – произнесла возмущенно Клара Андреевна.

– Ну, ничего, будь осторожней, смотри за ними в оба! – произнес незнакомец, прищурившись, провожая смеющихся девушек злым взглядом.

Глава 5

Музыка «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» звучала до самой окраины села. Темная ночь мягко окутывала медленно идущих молодых и красивых учителей. Она защищала их неокрепшие, нетронутые трудностями души, подготавливала к будущей суровой учительской жизни.

Сердца бились в такт звучащей музыке, на душе было одновременно тревожно и спокойно. Что ждет их впереди? Какие трудности, неприятности подстерегают их на жизненном пути? Встреча с какими учениками их ждет? Справятся они с таким важным делом на земле, – воспитанием детей? А будущие ученики давно спят, видят красивые сны. И в своих детских снах видят молодых учителей, которые научат их любить, творить и жить...

Красивый голос певицы пробирался все глубже и глубже в души приближающихся к сельскому клубу учителей. Они дружно подхватили любимую песню: «В этот час ты призналась, что нет любви...».

Вдалеке виднелись силуэты молодых людей, которые подпирали фонари с уличным освещением. Сельская молодежь с наступлением темноты, после тяжелого рабочего дня, искупавшись и пахнув свежим модным одеколоном «Шипр», стояли, подперев стенки клуба, в ожидании своих будущих невест и жен. Птицы в центральном парке, испуганно про-

кричав от внезапно подошедших смеющихся молодых людей, взлетели в темное небо и, кружась, продолжали танцевать в такт звучащей музыке. Новые жители села, вновь прибывшие учителя, подходили к местным жителям, улыбаясь. Молодые парни оживились, увидев красивых девушек в сопровождении Евгения Петровича Черкашина.

– Привет, Жень, а не много тебе одному столько невест? Ты бы поделился, познакомил, – сказал высокий симпатичный юноша, который стоял перед входом в клуб.

– С удовольствием познакомлю, – ответил, улыбаясь, Женя. — Знакомься, это наши молодые учителя: комсомолки, умницы и просто красавицы! Вот моя невеста, Оля Снежко, а это ее подруги: Вера, Лена и Лида. Девочки, знакомьтесь, Вася Гуляев, наш ветеринарный врач, местный ловелас и мой лучший друг.

– Почему это я ловелас? – спросил, улыбаясь, высокий чернявый парень, который, протянул руку Оле Снежко. – Вы, красавица, его не слушайте, замуж, если надумаете выходить, не вздумайте выходить за него. Лучше за меня. Всегда с мясом будете.

– Девочки, предупреждаю! Будьте с ним поосторожней. Прикармливает сначала, потом бросает! – засмеялся Женя. – Знакомьтесь, еще один кандидат в женихи, – Александр Петров. Он второй человек после председателя колхоза, потому что он его личный шофер.

И Женя показал на красивого русоволосого парня, кото-

рый небрежно держал сигарету в зубах и ухмылялся.

– Да я не второй. Я вообще первый парень на деревне, потому что его жизнь в моих руках, – высокомерно произнес красивый юноша.

Лида Николаенко смотрела на Сашу Петрова, не отрываясь. Уверенный в себе молодой человек внушал ей доверие и спокойствие. Девочка из учительской семьи, папа – директор школы, мама – учительница словесности всегда воспитывали свою дочь на ярких примерах литературных героев: Наташи Ростовой, Машеньки из «Дубровского». Интеллигентные люди окружали ее с детства. Она никогда не видела «первых парней на деревне», и смотрела своими красивыми карими глазами на него, затаив дыхание.

Совершенно другие молодые люди всегда были примером для воспитанной девушки. Но Лида не могла отвести взгляд от спокойного молодого человека, так отличающегося от всей ее семьи, ее окружения. Александр стоял высокомерно, глядя, сверху вниз на городских девушек, и усмехался, рассматривая их с головы до ног.

– Вы что-то очень худоваты? – спросил он брезгливо. – Вообще не похожи на наших девчат. У нас они все кровь с молоком, а вы, наверное, и корову доить не умеете?

– А ты, наверное, в слове «мир» десять ошибок делаешь? – быстро ответила Маленькая Леночка. – Тоже мне показатель—корову доить. Да я, если захочу, быстро научусь, только зачем мне это? Каждый должен заниматься своим де-

лом. Вот ты водишь машину, и води! Извини меня, что с тобой на «ты», не обижаешься на меня? А то, может быть, мне к вам по имени отчеству обращаться, раз вы «первый парень на деревне»?

– А ты наглая. Наверное, тоже деревенская. Вот эта, – и он показал на Лиду, – сразу видно, городская, стоит, ветром ее расшатывает. А ты прям на нашу похожа, на горькобалковскую. Ты – пухленькая, и палец откусишь, если что.

– Да я всю жизнь в Москве прожила, деревня, – соврала Леночка Маленькая. – А ты мало того, что в слове «мир» десять ошибок делаешь, так еще в людях не разбираешься, – продолжала смеяться Леночка Маленькая.

– А ты откуда знаешь, что я ошибки делаю? Может, я отличником в школе был. Только в армию пошел сразу, а не в институт, потому что настоящий мужик!

– Ладно, хватит болтать всякую ересь! – включилась в разговор Вера Большая. – Давайте мне жениха подбирать. Ветеринар Васька Гуляев отпадает, меня подкармливать не нужно, я дальше расти не собираюсь. А кто у вас тут самый высокий? Мне нужен муж два с половиной метра, потому что у меня два. Есть такой?

– Есть. Наш зоотехник Юрка. Он как раз два с половиной метра, только в ширину. Тебе как раз подойдет, по пупок будет, – сказал Александр Петров, смеясь.

– Саша, а где Петр-комбайнер? – спросил Женя. – Он же у нас баскетболист. У него рост два метра восемь сантимет-

ров. Он знаешь, как в комбайне сидит всю смену? Буквой «ЗЮ». Выходит с работы этой самой буквой! Домой идет, не разгибаясь.

– Вот спасибо, Женечка. Ты – настоящий друг. Один ты знаешь, какой мне муж нужен. Чтобы он ко мне с поклоном подходил, как к царице, слушался меня.

– Так это не про Петра-комбайнера разговор, – возмутился Вася ветеринар. – Он, когда выпрямится, сразу всех пошлет в поле! Женек не знает, какой тебе муж нужен, я знаю. Тебе нужен такой муж, который будет среди ночи конфеты в соседний город бегать покупать. Так это точно наш зоотехник, Юрка.

– А я что говорю, – перебил его Александр Петров. – Не переживай, что он тебе по пояс, зато ласковый. Тебе именно такой и нужен. Ты – большая и строгая. Даже мне страшно становится, ну у тебя и взгляд! Прямо, как у нашего председателя колхоза, когда он на меня на пьяного смотрит. А наш Юрка ничего никого не боится. Даже председателя колхоза, поэтому тебя не напугается. А вот городская, что с меня глаз не сводит, – показал он на Лиду, – она мне подходит. Красивая, коса у нее очень богатая. Я ее раскормлю, будет как наша деревенская пышечка.

– А мне жениха нашли? – спросила сердито Ольга Снежко.

– А тебя никто не рассматривает, раз тебя Женька уже себе забрал. У нас знаешь, как в деревне. Мужик у мужика

никогда подругу не заберет. Вот бабы у нас так и норовят из-под носа друг у дружки парня увести, – зло сказал Сашка Петров.

– Оля, а я что тебе, совсем не нравлюсь? – спросил Женя удивленно.

– Нравишься, но ты же молодой очень. Ты же на пять лет младше меня. Так не бывает, чтобы муж жены младше был.

– Пряма, не бывает, – ответил Женя. – Знаешь, моя бабушка старше своего мужа была на десять лет. Она была Кононенко по фамилии, замуж вышла за Коваленко. Так он в Гражданскую войну погиб. А она говорит соседям: «Ой, я так мертвых боюсь, я его хоронить не буду». Так соседи и хоронили его сами, представляешь?

– Во Ольга, ты видишь к чему он клонит, – опять подхватил разговор Вася Гуляев. – Если ты всего на пять лет старше так может сама его похоронишь, он на десять лет точно старше себя жену не возьмет, чтоб соседи не хоронили.

– Нет, я не поэтому Олю выбрал, потому что по душе она мне. Хоть бы на десять лет старше была, все равно чувствую, что мы с ней одно целое.

– Ладно, уговорил, выхожу за тебя замуж, – сказала Оля. – А сейчас танцевать хочется, что просто сил нет. Пошли, девочки, потанцуем! Скоро уже фильм начнется.

Ребята дружно поддержали ее предложение, пошли танцевать твист. Ритмичная музыка приглашала их присоединиться к танцующим.

Вася Гуляев, подмигивая девушкам, строил смешные рожицы. А затем пустился в пляс под всеми любимую музыку: «Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет, а пока наоборот только черному коту и не везет...».

Он вообще был очень веселым молодым человеком. Так же как Саша Петров был уроженцем села Горькая Балка. Его обожали все жители села. Если у кого-то заболело любимое животное в стойле, все знали, что Вася придет и вылечит. Толковый молодой специалист был ровесником девушек – учителей и сразу стал им как брат. С ним было не страшно ходить по селу, его все знали и уважали. Девочки знали точно, что их никто в селе не обидит.

Танцевальный зал был огромный, светлый от ярких люстр, которые украшали высокие потолки клуба. Фигурная лепнина в виде разнообразных ромашек была разбросана по белому полю потолка. Скульптурные украшения обрамляли хрустальные переливающиеся люстры. Бриллиантовые блики весело подмигивали друг другу, танцуя с молодежью.

Девушки, кокетливо поднимая головы, разглядывали не только молодых интересных мужчин, но и эти красивые люстры. Но больше всего им нравились огромные пейзажи, украшавшие стены холла. Особенно вписывалась в эту великолепную «царскую залу», написанная маслом, картина «Ходаки к Ленину». Бросались в глаза белоснежные простыни, покрывавшие стулья, одетый с иголки в костюм-тройку, – Владимир Ильич Ленин, со своей неизменной харизмой. В

контрасте с ним, – грязные в тулупах, небритые с длинными неопрятными бородами селяне. Они немым укором напоминали молодым людям, что они должны всегда помнить: кто дал им, безмятежно танцующим и безнадежно влюбляющимся, эту спокойную жизнь с веселыми танцами под настоящий духовой оркестр?

Молодежь понимающе улыбалась, танцевала и ждала начало просмотра модного индийского кино. Оркестр жил отдельной жизнью в сторонке, дабы не привлекать внимание, и не быть отвлекающим объектом для подмигивающих друг другу молодых людей.

Глава 6

– Девочки, посмотрите, пожалуйста, можно в этом платье первого сентября идти в школу? – спросила Оля, кружась перед зеркалом.

– Почему нельзя? Можно. Ты в нем как Софи Лорен. Та-лия осиная, платье пышное, ножки тонюсенькие, – сказала Маленькая Леночка, смеясь. – Вон, вчера как ты этими ножками выплясывала перед Женькой, чуть не сломала их со-всем.

– Как тонкие? У меня очень красивые ноги. Завидуют молча. Сама вон тоже в платье влезла. Костюм не надеваешь. А насчет Жени успокойся. Мы просто друзья.

– Конечно, друзья. Мы видели вчера, как вы друг на дру-га насмотреться не могли. А костюм не надеваю, потому что жарко сегодня в костюме. Вроде бы первый день осени, а солнце такое, что в обморок падаешь, ужас, – сказала, выти-раясь платочком, Леночка Маленькая.

– Это оттого, что пояс туго затянула, – засмеялась Оля.

– А сама? Того и гляди рухнешь без сознания, Софи Ло-рен.

– Девочки, я в отличие от вас, пойду в костюме, – сказала гордо Лида. – Вообще вы знаете, что интеллигентные люди одеваются не по погоде, а по сезону?

– Ну, во-первых, мы сельская интеллигенция. Во-вторых,

красота спасет мир, а в-третьих, у нас папашей-директоров нет, чтобы нам венгерские костюмы покупали, – произнесла, зевая, Вера Большая.

– Ну и что, – продолжила разговор Леночка Маленькая, –я лично перешила у модистки мамино пальто. У меня получился костюм не хуже, чем венгерский, смотрите!

И Леночка Маленькая продемонстрировала свою обновку из драпа.

– Ой, правда классный получился! Но тебе, Ленчик, в нем придется ходить в школу только зимой, притом без верхней одежды, – громко засмеялась Вера Большая.

– Так, прекратили! Не одежда украшает человека, а человек одежду, – строго сказала Оля Снежко. – Вы сегодня идете на свой первый самостоятельный урок, не об этом должны думать. Помнить нужно о своих первых учениках и знаниях, которые вы им дадите.

– Правильно, Оля! Постройтесь, в шеренгу! – строго произнесла учительским тоном Вера Большая. – Я вас сейчас буду учить, как вы должны будете знакомиться со своими воспитанниками.

– Ой, тоже мне учителя с опытом, одна с тонюсенькими ножками, другая с голосом тюремщика, – засмеялась Леночка Маленькая.

– Действительно, можно подумать, мы не в одном заведении учились, – согласилась Лида Николаенко. – Я вам расскажу секрет папиного друга, старого педагога: никогда не

нужно показывать ученикам, что мы их боимся, иначе они засомневаются в наших знаниях.

– Поэтому я зайду в класс, как тюремный надзиратель, чтоб у них аж поджилки затряслись! – закричала Вера Большая.

– Ужас! Мы должны любить учеников, а не пугать их, – сказала Лида. – Мой папа ни одного грубого слова никому не сказал. Он мог только молча глянуть, ученики уже плакали от стыда.

– Вот это хороший секрет опытного педагога. Теперь, давайте, сядем на дорожку, вздохнем и пойдем в новую жизнь, – сказала Оля Снежко.

Она первая села на спинку дивана. Девочки заняли места рядом с нею, вздохнули, и, широко раскрыв дверь дома, вышли в направлении своей любимой новой школы.

Молодые красивые учителя шли медленно и важно, распугивая не менее важных уток, которые паслись на стадионе. Идти в обход им совсем не хотелось. Они, по очереди наклоняясь, вышли через дырку в штaketнике. Две доски были вырваны в заборе. Получалась такая импровизированная дверь—окно в будущую новую жизнь.

«...Школьные годы чудесные с книгою, с дружбою, с песнею. Как они быстро летят, их не воротить назад. Нет, не воротит никто никогда школьные годы...», – доносилось со стороны школы.

– Девочки, я что-то боюсь. У меня такое волнение, будто у

меня ничего не получится, – теребя папку с тетрадями, произнесла, заикаясь, Леночка Маленькая.

– Не ной, у нас все получится. Собралась, пошла уверенной походкой на свою новую работу! – громко сказала Вера Большая. – Вот от кого не ожидала, это от тебя. Хватит бояться!

– Самое главное, мы не должны подвести наш университет, – напомнила Оля серьезно.

Затем остановилась и добавила: «Наш Вуз давно заработал себе имя, наша задача только не опозорить его, весь преподавательский состав, который дал нам самые лучшие знания предмета».

Мы с Лидой учителя русского языка и литературы, вы обе – математики. Мы все учителя с большой буквы! Запомните это раз и навсегда!

– А я, учитель начальных классов, – подхватил разговор догнавший их Женя.

– Ой, какой ты красивый, Женька, – закричали девочки. – Тебе галстук очень к лицу! А костюм какой! Ты похож на дипломата зарубежного. Женя, ты как артист!

– Оля, тебе нравится? – спросил, немного смущаясь, молодой коллега.

– Очень, очень! Ты похож на моего любимого индийского актера, – Раджа Капура, одно лицо точно!

– Любимого! Девочки, вы слышали, Оля сказала: «На любимого». Она меня любит. Все! Значит, будем играть сва-

дбу! Прямо на День учителя, в октябре, ровно через месяц.

– Давай, давай, так хочется на свадьбе погулять, заодно отпраздновать нашу педагогическую деятельность! – сказали девочки, и зашли в прохладу сельской школы, с ее неизбежным переливом детских голосов.

Под музыку они вывели своих учеников на торжественную линейку, которая останется у них в памяти на всю жизнь, потому что это их первая самостоятельная линейка в качестве учителей школы! А сколько их еще будет впереди!

Ученики стояли в ряд ровным прямоугольником во дворе школы. Белые накрахмаленные банты покачивались на красивых головках учениц. Мальчики прятались от жары под огромными букетами цветов из Гладиолусов. Все стояли в ожидании начала школьной линейки. Зазвучал гимн Советского союза, подняли красный флаг всех пятнадцати республик.

– С праздником вас, друзья! – зазвучал из рупора голос Ефима Ефимовича. – С первым днем знаний! Новых побед в учебе и в труде! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!

Запели родной гимн сильной страны: «Союз нерушимый республик свободных...». У всех почему-то выступили слезы гордости за мощную державу под названием, – Родина!

Первоклассники плакали от волнения, что стали взрослыми, выпускники плакали от того же. Родители тех и других испытывали те же чувства, – ведь как быстро проносится

миг, который называется жизнью.

«...Как они быстро летят, их не воротишь назад, школьные годы...»

Вытирая слезы, старшеклассники бежали со своими красивыми букетами к любимым учителям. Глядя на них, первоклашки счастливые повторяли все за ними, не понимая, почему те – то плачут. «Ведь так радостно избавиться от тяжелых букетов цветов», – думали они.

Маленькие человечки, веселые и свободные от непривычной ноши, начинали дергать за косички своих любимых одноклассниц, чтобы привлечь их внимание к своей персоне, те, в свою очередь, высовывали языки, дразнили мальчишек, которые им нравятся.

– Первое сентября! Самое настоящее ваше учительское первое сентября! – заговорщически сказала Людмила Егоровна, тихо подойдя к девочкам. – Нужно обязательно отметить это событие! Скидываемся по трояку. Все собираемся у меня дома в пять часов вечера, прием?!

– Прием, прием! – ответили на позывной новые учителя.

Они начали привыкать к традициям дружной учительской семьи. Людмила Егоровна Вышакова жила через дом от дома молодых учителей. Она слыла очень хорошей хозяйкой. У нее в закромах было много солений, которые она искусно готовила летом и кормила весь дружный коллектив зимой. Людмила Егоровна вообще была прирожденным лидером. Самым настоящим профсоюзным босом.

Владимир Владимирович, ее муж, учитель рисования и пения, души не чаял в своей жене. Любил ее так, что этой семье можно было позавидовать. Весь дом был увешан портретами любимой женщины. У них родились две дочки: Лена и Люба. Лене было десять лет, Любе – пять. Они дружной семьей занимались художественной самодеятельностью. Как пел Владимир Владимирович, не пел никто. Такого божественного голоса ни у кого не было. Силища у голоса такая, когда он затягивал одну за другой песню, его слышали в соседних селах. Когда пели всей семьей, то даже в краевом центре.

Людмила Егоровна считалась лучшим учителем математики в крае. «Лирики и физики», – так называли их в селе Горькая Балка. Семья была очень талантливая и дружная. Во времянке рядом с ними жила старенькая мама Владимира Владимировича, которая была всегда всем недовольна. Никто никогда не видел ее улыбающейся. Она придерживалась строгих правил в воспитании детей и внуков, но к традициям молодой семьи относилась с пониманием.

– Пусть лучше у меня на глазах, чем где попало..., – частенько говорила она, сидя на скамейке.

Сама Людмила Егоровна отличалась от всех неизменной харизмой. Родом была из соседнего провинциального городка Зеленокумск, часто отвозила туда детей на выходные, каникулы. Забирала их перед школой. Семья Вышаковых была душой коллектива учителей. Все праздники, включая дни

рождения, проходили у них во дворе под яблоней. Там стоял огромный стол, сбитые деревянные лавки. На улице также находилась глиняная печка. На ней всегда жарили шашлыки. Сад был очень большой, росло много разнообразных фруктовых деревьев. Урожай забирали все, кто хотел запастись на зиму фруктами и не ленился. Учителя очень любили собираться у них в гостях. Эти посиделки напоминали семейные дружные застолья, – с песнями, плясками, анекдотами.

А заодно проводился кастинг для вновь прибывших в коллектив, своего рода проверка на прочность. Человека подпаивали, снимали с него маску, смотрели, чем он дышит, чем интересуется, чем живет. После таких посиделок многие увольнялись с работы, потому что им было стыдно, что экзамен они завалили....

– Девочки, мы вас заждались. Давайте подсаживайтесь, сейчас Ефим Ефимович подойдет. Так, с первым рабочим днем вас! Наливайте им по полной, – штрафной. Пусть курс молодого бойца пройдут! – смеялась Людмила Егоровна, усаживая вновь прибывших учителей под яблоней.

– Оля, я не поняла, как ты совсем не пьешь? – слышался возмущенный голос хозяйки. – Какая аллергия? Ты нас не пугай. Аллергия – это что-то новенькое. Вообще на спиртное, даже на пиво? Это ужасно! Тогда пусть за тебя твой дружок выпьет. Жень, давай, покажи класс! Как я тебя учила? Вот так воздуха набирай, потом пей вместе с воздухом. А теперь выдыхай. Вот так, правильно. Набираешь воздуха пол-

ную грудь, задерживаешь дыхание, выпиваешь, затем выдыхаешь. А то все по старинке пьют, неправильно! Перед тем как выпить, выдохнут воздушную пробку, которая смягчает градусы, и пьют, сжигая пищевод! – провела информационный ликбез завуч. – Оставайтесь у меня все жить, научу вас пить! Кроме, конечно, аллергиков! Жень, что ты в ней нашел? Худая, не пьет. Нужно другую срочно искать. А ты заладил, – любовь да любовь! Оля, скажи честно, ты к нам надолго приехала учительствовать? Или так побаловаться, потом опять в Москву рванешь?

– Насовсем! Что-то не так? Иль ко двору не пришлась? Не пью, не курю, ужас, да?

– Да уж, конечно ужас! Темная лошадка, не знаешь, что от тебя ждать. Ты, Евгений лучше подальше от нее держись. А то заведет тебя твоя любовь незнамо куда.

– Людмила Егоровна, вы меня извините, но мы уж как-нибудь сами разберемся, – резко перебил ее Женя Черкашин.

– Да и то правда, поумерь свой пыл, Людмила! – сердито сказал подошедший Ефим Ефимович, – Не твое дело молодых осуждать. Лучше скажи, сама давно слушать старших перестала? То, что Оля не пьет, это ей плюс. Ты нервничаешь, что не можешь под свой каблук ее засунуть. Ребята, никого не слушайте, совет вам да любовь. Если нужно, мы вам такую свадьбу справим, настоящую, комсомольскую! Людмила, давай запевай лучше! Ах, эта свадьба, свадьба, пела и плясала...

Оля сидела и думала:

– Да какая свадьба?! Завтра первый рабочий день. Первый в жизни урок! Первое настоящее взрослое дело.

Глава 7

Ольга Семеновна Снежко подходила к расписанию уроков с кандалами на ногах. Казалось, они мешают идти. Было очень тревожно! Первый рабочий день! Ты – настоящий учитель! Дети сновали между ног туда-сюда. Раздавались басистые голоса старшеклассников, радостные щебетания учеников начальных классов. Между ними – пискляво-грубые голоса среднего звена. Вся эта вакханалия вперемешку создавала единое целое растущего организма под названием, – «школа». Только в этом учебном заведении можно было услышать такое разнообразие звуков. Они напоминали улей радующихся пчел.

Изредка слышались крики уборщиц, учителей, которые врывались в идеальную атмосферу одновременного рассказывания последних новостей и непрекращающегося смеха. Ученики пытались успеть наговориться на переменах после трудного сорокапятиминутного молчания. Они совершенно не замечали грозные приказы классных руководителей: «Петров, не бегай по коридору! Иванов, перестань орать! Перепелкин, не обижай младших!».

Оля с трудом прорвалась к расписанию уроков с блокнотом в руке. Она аккуратно записывала: русский язык, первый урок, 8 «Б» – пятнадцатый. Рука, записывающая номера кабинетов, предательски дрожала.

– Не бойся, – шепнул ей на ухо, подошедший к расписанию Женя. – Я тоже боюсь, но главное не показать виду, что тебя что-то смущает. Заходи в класс уверенно. Ты все знаешь, ученики ничего. Одна надежда только на тебя, что ты с ними поделишься знаниями, которые получила в университете. Пойдем, я тебя провожу до кабинета. Смотри, как я научился распознавать, где в каком крыле находятся классы. Вот видишь, в школе две лестницы, – слева и справа. Делим школу на две части. Первый этаж принадлежит начальной школе, второй и третий, – средней. Десять кабинетов на первом этаже. Пять слева, пять справа. На втором этаже тоже десять, начинаются они с одиннадцатого кабинета. Если тебе нужен пятнадцатый, значит, он на втором этаже ровно посередине, тебе можно подниматься по лестнице, хоть справа, хоть слева. Куда пойдем?

– Пойдем направо. Ведь наше дело правое, правое, правое, – подпела Оля своему новому другу. – Мне не страшно, спасибо. Но лучше поднимемся вместе.

Оля взяла Женю под руку, он сильно прижал ее руку к себе, они пошли по коридору вместе.

Школа жила своей веселой жизнью: радовалась крикам учеников, радовалась новым учителям, новым завязывающимся отношениям. Вообще – то учителем нужно родиться! Нужно очень любить эту трудную профессию, очень нужную и ответственную работу. Ведь от твоего отношения к своему делу, зависит очень многое.

Ты, – пример для подражания! Ты – будущая жизнь своих учеников! Ты – путеводитель! Многих людей забудут, а первого учителя помнят все! Ты не имеешь права на фальшь. Дети очень чувствуют справедливость бытия.

Если ты не достоин быть учителем, лучше не начинай им быть. По большому счету, не так уж сложно оставаться самим собой. В школе учитель должен быть образцом для подражания. В учителе все должно быть прекрасным, – и дела, и мысли, и поступки! И, конечно, внешняя составляющая.

Очень трудно быть во всем безупречным. Учителям необходимо платить баснословные зарплаты, чтобы они соответствовали образцу для подражания, а не ходили на работу в рваных колготках, стоптанных сапогах и совсем без причесок. И не потому, что у преподавателей нет свободного времени на то, чтобы следить за собой. Это оттого, что у них нет денег для достойного существования, не говоря уже о жизни!

Вчерашний выпускник педагогического училища Евгений Петрович Черкашин собирал стипендии, чтобы купить красивый достойный костюм. Ничего, что голодал, что сидел до ночи в библиотеке. Ничего, что не было денег на учебники. Ничего, что мама и бабушка тянулись из последних сил, чтобы выучить единственную опору и надежду. Ничего, что после окончания педучилища, об очном отделении пединститута не могло быть и речи. Слава Богу, он теперь специалист! И студент – заочник исторического факультета. Теперь ему нужно заработать побольше денег, чтобы помо-

гать маме и бабушке и самому себе, чтобы получить высшее образование.

Любовь настигла его в маленьком южном селе Горькая Балка. Любовь с первого взгляда, с первой ступеньки автобуса, на которую ступила маленькая ножка Оли Снежко, когда она приехала с подругами «поднимать грамотность у населения». Любовь сыграла свою роковую роль. Женя не мог оторвать глаз от красавицы в воздушном нежно – голубом шифоновом платье в белый горошек. Платье очень подходило под цвет ее небесных глаз!

«Она Божество!» – подумал он, глядя на свою судьбу.

Других девушек он даже не заметил. Он знал точно, – это приехала его будущая жена, мать его будущих детей...

– Женя, спасибо, что проводил, – прервала его размышления Ольга. – Вот он, пятнадцатый кабинет, – сказала она, ласково глядя на друга, – Пожелай мне ни пуха ни пера!

– Ни пуха ни пера! У тебя все получится! Уверенность, только уверенность в себе и во мне!

Женя огляделся вокруг, громко произнес ученикам, которые стояли возле двери:

– В кабинет не входить! Только после того, как позовет вас учитель, понятно? Учитель должен тоже подготовиться к уроку!

И он важно пропустил Олю в класс, подмигнул ей и закрыл за нею дверь.

Первый урок Оля провела на одном дыхании. Она нико-

гда его не забудет! Никогда не забудет, как с интересом рассматривали ее тридцать пять учеников. Как сидели они, сложив руки на парте, как внимательно слушали, когда она объясняла новый материал. Как будто, по мановению волшебной палочки, они дружно брались за авторучки, записывали правила под ее диктовку в тетрадь. Ощущение было такое, что ты правишь миром, что ты дирижер большого детского оркестра!

Ты – путеводитель, который указывает путь от темного безграмотного прошлого к светлому все побеждающему будущему! Объясняя новый урок, Оля старалась охватить вниманием всех учеников. Она проходила между рядов и, если видела, что кто-то не понял, старалась объяснить все правила, которые пригодятся им в дальнейшей жизни и работе.

– Без русского языка не обойтись нигде. Если ты живешь в России, ты обязан знать свой родной язык в совершенстве. Ты даже заявление о приеме на работу не имеешь права написать с ошибками. Знание русского языка вызывает уважение у коллег на любом поприще, где бы ты ни работал, – повторяла она своим ученикам прописные истины.

Вызвав нескольких учеников к доске, разобрав, написанную фразу по членам предложения, она увидела, что ребята все поняли правильно. В этот момент Оля почувствовала такую радость от положительного результата своего труда! И поняла одно, – она не зря прожила этот день! Ее выбор профессии самый правильный на свете!

Напевая песенку, она счастливая возвращалась домой.

– Я – молодец! Я – справилась! Ничего здесь трудного нет. Ученики – ангелы! О какой дисциплине нам твердили в университете?! – спрашивала себя Ольга. – «Дисциплина, только дисциплина – успех познаний нового учебного материала!». Да, дети слушали меня с открытыми ртами, вообще не шумели, не разговаривали. Работать учителем очень даже легко. Главное, чтобы ученики тебя понимали, когда ты им объясняешь новый урок, и все! Потом проверить, все ли разобрались с материалом, а если кто не понял, еще раз объяснить, пока не поймут все! Какая у нас легкая профессия! Самая любимая на свете, за нее еще и деньги платят!

Но когда Оля зашла в дом, сразу поняла, что случилось ужасное. Громкие вопли Леночки Маленькой испугали ее. Она лежала на кровати, уткнувшись в подушку, рыдала в голос! Леночка причитала что-то несвязное. Вера пыталась подать ей кружку с успокоительным, но она отмахивалась от нее, продолжала задыхаться от горя.

– Что случилось? – спросила Оля, зайдя в комнату. – Почему она плачет? Кто ее обидел?

– Кто-кто?! Ученики урок сорвали! Говорит, улюлюкали, тряпкой с мелом бросались. В общем, бесились на уроке, как хотели. У нее опыта мало, не справилась. По-хорошему хотела, по-плохому пробовала. В общем, как учили, – все делала. Не получилось! Ефим Ефимович свои владения обходил, ну и спас ее. Он ее тоже успокаивал, она больше на уроки

свои не пошла. Весь день прорыдала, – сказала Вера Большая, протягивая стакан с валерьянкой.

– Ленчик, ты это брось! На уроки ходить нужно, – успокаивала подругу Оля. – Вот меня тоже испытывали, тоже улюлюкали, – соврала она. – Я давай с ними тоже улюлюкать, тряпку взяла, бросила в самого отъявленного хулигана. Затем его потихоньку схватила, затащила в лаборантскую. У меня урок в кабинете химии был. И говорю ему на ухо: «Ви-дишь, у меня не получается, в институт не хочется возвра-щаться. Вижу ты у них за главного! Давай мне поможешь, будем с тобой вместе их учить. Ты будешь за дисциплиной следить, главный по ней будешь, я буду за знания отвечать!». Он быстро согласился, всех успокоил, я урок продолжила. Главное найти лидера в классе. Ты завтра тоже попробуй так сделать. Вот увидишь, сразу толк будет!

– У тебя правда тоже так себя вели ученики? – спросила Леночка, вытирая слезы.

– Правда, дети же все одинаковые. И уроки для них одинаково неинтересные, будь – то математика или русский.

– Точно! – поддержала разговор Вера Большая. – А мои мне такое устроили! Говорят: «А вы тоже молодая учитель-ница? А по вам прям не скажешь. Вы, говорят, больше на милиционера похожи, на дядю Степу Великана!». И как заржут, вот изверги. Можно подумать, что им знания не нужны совсем. Эти деревенские вообще стыд потеряли, разговари-вают с учителями, как с подружками! Я как стукну кулаком

по столу и говорю: «Завтра все с родителями за одной партой сидеть будете, пусть они вас дисциплине научат.». Так они сразу как шелковые стали! Ничего мы еще посмотрим: кто кого? – продолжала махать кулаком Вера Большая.

– Девочки, у вас правда у всех так было, как и у меня? – стала успокаиваться Леночка Маленькая. – А где наша Лида? Она еще не пришла?

– Ее, наверное, убили эти детишки, – сказала, засовывая кусочек свежее испеченного хлеба в рот, Вера Большая.

– Я тоже очень хочу есть, – отрезая горбушку, произнесла Оля. – Хлеб здешний такой вкусный. Совершенно не похож на наш городской, такой пахучий, с оранжевой корочкой. Горячий, только что из печи. Говорят, из местной пекарни, только что привезли. Я не устояла, тоже купила. Вот это правда! Хлеб всему голова! Давайте пообедаем все вместе. Сейчас яичницу пожарю с салом и с помидорами. Там, кажется, в бурьяне помидоры поспели, хорошо хоть от бывших хозяев еще остались. Нам нужно тоже сажать на следующий год.

– Ленчик, нарви, пожалуйста, помидорчиков, может, там еще огурчиков раздобудешь, – обратилась она к плачущей подруге. – Я пока сало нарежу.

Леночка встала, утирая слезы и шмыгая носом, пошла в огород за помидорами, недовольно бурча себе под нос: «Как же, раздобудешь?! У Клары Андреевны, что ли, под проценты? За килограмм, отдадим десять на следующий год», –

продолжала ворчать Леночка Маленькая, постепенно успокаиваясь.

– Смотри, вроде бы отходит, шутить начала, – шепотом сказала Оля. – А правда, где Лида?

– Понимаешь, Оля, наша Лидуся влюбилась в этого шоферишку, Сашку Петрова, что председателя колхоза возит. Этот жених в вечернюю школу ходит. Вот она согласилась еще там подрабатывать ради него.

– Ой, я тоже хочу подрабатывать. Мне деньги очень нужны. Родителям надо помочь еще двух сестер выучить. Денег, как всегда не хватает. Папа кричит на нас: «Идите работать, лодыри, нечего штаны просиживать. До сорока лет учить буду? Жаль, говорит, что одни девки в доме, был бы хоть один мужик, мы бы с ним на рыбалку ходили.». А мама смотрит на него и говорит: «Нам тебя одного достаточно, рыбу не знаем куда девать.». Он у нас гулена каких поискать, – рассказывала Оля, жаря свое любимое блюдо: яичницу с помидорами.

– Ленчик! Подрежь еще помидорчиков, люблю, когда она сочная бывает. А ты в вечерней школе будешь с нами подрабатывать?

– Да, можно. Взрослых учить легче, чем этих малолетних дебилов!

– Ты, главное, уверенно заходи в класс, никого не бойся. Все равно ты больше знаешь, чем они. Поделись с ними знаниями, – гордо произносила каждое слово Оля Снежко, повторяя мысль Евгения Петровича Черкашина. – Интересно,

как там у Жени урок прошел?

– Ой, да вы же еще не знаете, – засмеялась Леночка Маленькая, подбегая к Оле. – Ефим Ефимович мне рассказал, когда в учительской слезы подтирал. Говорит: «Тут ученики над тобой измываются. А там Евгений Петрович над учениками. Я слышу, – дети кашляют, сигаретами тянет на весь этаж. Ну, я подкрадываюсь, – говорит, Ефим Ефимович. – Смотрю, дверь в класс широко открыта, на пороге, прислонившись к косяку двери, стоит наш красавец Женя, во рту у него сигарета. Он курит, в коридор дым пускает, что-то детям диктует, какую цифру писать.».

Ну, Ефим Ефимович, чуть в обморок не упал, когда это увидел. Короче, подходит он к Жене, говорит ему: «Извините, Евгений Петрович, сигаретку не дадите?!». А тот ему протягивает, как ни в чем не бывало, да еще прикуривает, спички зажигает. Ну, Ефим Ефимович дверь в класс закрыл, поворачивается к нему и говорит: «А ничего страшного, что я вообще не курю? А ты, сукин сын, что здесь устраиваешь? Перекуры прямо на уроке? Тебя этому в училище учили?».

А он ему отвечает, что насчет этого никаких рекомендаций дано не было. Ефим Ефимович говорит: «Вот, сученок. Я ему тогда говорю: «Пойди, сходи к нашему завучу по воспитательной работе, Вальке – Курилке, пусть она тебе объяснит рекомендации. А я пока урок вместо тебя проведу.».

Так он пошел к этой Вальке – Курилке. К ней кличка такая в школе прилепилась, потому что она много курит. А фами-

лия у нее Федорова. Этот сукин сын, как говорит Ефим Ефимович, заходит в учительскую, спрашивает: «Вы, Валентина Ивановна Курилко?». Все учителя в учительской на пол от смеха повалились. Она как закричит: «Вы, что, молодой человек, позволяете?! Я знаю, что у меня такая кличка. Но чтобы в лицо при людях. Я вам сейчас устрою!».

Представляете, она так разбушевалась, никто раньше ее такой не видел. Она и так самая злая из всех завучей в школе, а тут еще больше побагровела, слюной ненависти брызжет в разные стороны, волосы дыбом! Кричит на всю учительскую: «Я тебя убью!» Вот с такими криками начала бегать по учительской, лупить молодого специалиста журналом по голове.

Леночка Маленькая забыла все, что с нею произошло, весело рассказывала эту историю, изображая всех в лицах. Девочки смеялись до слез, а вместе с ними и зашедший на запах яичницы Женя.

– С кем не бывает?! Подумаешь, вышел такой казус. Ничего, побила меня завуч, пар выпустила, потом все дружно смеялись. Ефим Ефимович больше всех!

– Ну и денек сегодня вышел! Правду говорят, первый блин комом, – хохотали от души молодые учителя.

– А у меня первый блин не комом, – пропела сияющая от счастья и любви красавица Лида Николаенко. – Я буду еще в вечерней школе преподавать! Буду учить «первого парня на деревне», – Сашу Петрова.

Их разговор прервала вошедшая без стука соседка Кла-

ра Андреевна. Она с интересом рассматривала обстановку в доме у приезжих учителей, не забыла прощмыгнуть взглядом по накрытому столу, оглядеть всех присутствующих, наигранно тяжело вздохнула и спросила:

– Любимые соседи, соли не найдется?

Оля Снежко протянула ей пачку соли, Клара Андреевна сделала вид, что берет ее, пачка выпадает из рук, с грохотом разрывается, соль белыми брызгами рассыпается по всей комнате.

– Ой, какая неприятность, – произнесла зло Клара Андреевна. – Наверное, к большой беде, – ехидно добавила она.

Глава 8

На следующий день молодые учителя дружно записались на подработку в вечернюю школу вместе с Лидой Николаенко. Им нравилось дышать атмосферой знаний. Впитывать энергетику напечатанных книг, которые со временем только увеличивали свое гипнотическое влияние на читающую молодежь. Читать в СССР было модно. Жаль, что книг было не достать. Все записывались в библиотеку, выстаивали огромную очередь за желанным томиком фантастики или детектива. А если повезет, то и за любовным французским романом, который можно было достать по великому благу.

Деревенские ребята ничем не отличались от городской молодежи. Они так же бурно обсуждали прочитанные книги, ходили на занятия в музыкальную школу, создавали свои ВИА (вокально-инструментальные ансамбли) и жили полноценной жизнью молодых людей шестидесятых годов.

После работы уставшие колхозники садились за парты и, засыпая, слушали своих умных учителей, которые делились с ними своими знаниями совершенно бесплатно. В стране проходила ликвидация безграмотности. Все должны были окончить среднюю школу, продолжить обучение в техникумах, институтах, стать высококвалифицированными специалистами.

Нужно сказать, что очень многие хотели учиться, и не

только учиться, многие хотели развить свой талант. Молодежь посещала театральные, танцевальные кружки, занималась вокалом и, конечно, с удовольствием записывалась в хор.

Вечернее обучение велось и в музыкальной школе. Приехали специалисты из Одесской консерватории, молодежны, – самая красивая пара села, – семья Клетенкиных. Они были не только красивы внешне, но и очень красивы душой. Очень талантливые молодые люди, игравшие виртуозно на всех музыкальных инструментах, сочинявшие стихи и музыку к своим добрым песням о жизни, дружбе.

Председатель колхоза очень любил эту семью, выделил им целый двухэтажный коттедж. В одной половине жили они сами, во второй половине находилась музыкальная школа. Благодаря этим двум талантливым людям село процветало. Создавались творческие коллективы, проходили интересные концерты. Они своим появлением в селе внесли свежую культурную струю в души местного населения.

Сельские инструментальные ансамбли звучали не хуже столичных. Да и местные исполнители были на голову выше многих приезжих звезд. В клубе очень часто проходили концерты: молодежь пела, танцевала, разыгрывала спектакли. Старожилы Горькой Балки культурно проводили досуг. Благодаря такому продуктивному отдыху хорошо трудились, всегда побеждали во всех социалистических соревнованиях.

Горькая Балка жила интересной жизнью. Молодежь из се-

ла невозможно было выгнать. Жизнь в селе ничем не отличалась от городской. На гастроли приезжали знаменитые артисты. Они любили посещать далекое южное село.

– Оля, сегодня приезжает Людмила Зыкина. Я купил билеты, – сказал Женя, обнимая Олю. – Ты пойдешь?

– Конечно, пойду. Я очень люблю ее песни. Ты знаешь, она приезжает не одна? Она приезжает с Константином Симоновым. Мне доверили вести открытие этого тематического концерта, посвященного Дню Победы. Я очень волнуюсь, я буду читать его стихи: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди! Жди, когда наводят грусть желтые дожди! Жди, когда снега метут, жди, когда жара! Жди, когда других не ждут, позабыв вчера...».

– Не бойся, прочти эти стихи с душой, как ты обычно делаешь. Симонову очень понравится, как ты читаешь его стихи. Мы всегда с удовольствием слушаем тебя, он тоже будет рад их послушать в твоём исполнении, поверь мне.

– Эта такая ответственность! Вечно Ефим Ефимович меня выдвигает везде. То на этом совещании выступи, то на другом, то на этом концерте, то на том.

– Ты знаешь, ты самая лучшая! Поэтому, наверное, замуж за меня не хочешь выходить, я совсем не такой, как ты. Я – худший?

– Ты что, Женя, я очень хорошо к тебе отношусь. Ты самый лучший друг и соратник. Я очень, очень люблю тебя. Зря так говоришь.

– Тогда почему не хочешь, чтобы поженились?

– Давай, я домой съезжу, посоветуюсь с мамой, папой, потом скажу, будем мы жениться или нет, хорошо?

– Только я тебя очень прошу, не томи мне душу, пожалуйста. Я уже год за тобой хожу. На дверях висну каждый вечер. Сколько стихов выучил для тебя. Есенина всего, даже твоего любимого Маяковского, а ты меня не подпускаешь к себе. Надо мной все парни в селе смеются. Говорят, что ты меня заколдовала.

– Да, я тебя заколдовала, потому что сама околдована тобой! Ты такой добрый, такой красивый, такой умный. Мне кажется, что это я тебя недостойна. Смотри, сколько девочек красивых за тобой бегает, а ты ни на кого не смотришь. Может, все-таки передумаешь?

– Нет, даже не проси. У нас в семье все однолюбы. Мы любим один раз и на всю жизнь. Я свой выбор сделал, теперь очередь за тобой.

– Я из дома приеду и тебе сообщу о моем решении, хорошо?

– Отлично! Скоро мы поженимся! – сказал Женя уверенно и, обняв Олю, повел к вечерней школе, где тоже подрабатывал учителем истории до одиннадцати часов вечера.

Женя уже второй год учился заочно в пединституте на историческом факультете. Ему выпала счастливая доля: учить местных жителей, которые были намного старше его.

Школа вечером отличалась от этой же школы днем. Вече-

ром она была величаво-таинственная. Полутемные коридоры пугали страшными огромными тенями на стенах. Даже запах пыли вечером был совсем другим. Воздух в вечерней школе пах хлоркой вперемешку с одеколоном «Шипр», который завоевал все призы парфюмерного производства. Им было модно пользоваться в то время.

Колхозная молодежь с удовольствием ходила на вечерние занятия к своим ровесникам-учителям. Они дружно болтали на перемене, как старые друзья, смеялись над шутками, как дети. Но, только зайдя в класс после звонка, превращались в обыкновенных школьников. Взрослые мужчины и женщины усердно запоминали правила, решали задачи, записывали домашнее задание. Также получали двойки, нисколько не обижаясь на своих строгих учителей.

Лида была любимой учительницей Александра Петрова. Они долго засиживались на скамейке возле школы, долгими часами целовались, болтали всякую ерунду. Она каждый день счастливая прибегала домой, радостно сообщала о том, что Саша ее любит тоже.

В отличие от нее, девочкам Александр совсем не нравился. Они считали, что Лида достойна большего. Насчет Оли Снежко и Жени Черкашина, они были совершенно спокойны. Говорили, что эта пара создана Богом. Сказали, что лучшей пары не найти. А вот Лида и Саша были цветами из разных садов.

Нежная интеллигентная Лида и неотесанный мужлан

Александр Петров. Девочки были уверены, что ничего у них не получится. Люди совершенно не подходили друг другу. Да и отношение Александра к Лиде любовью назвать было нельзя. Он постоянно грубил ей, очень жестко подшучивал над ней, она очень часто плакала. Но в силу своего скрытного характера ничего не рассказывала любимым подругам про ссоры. Она боготворила его всем сердцем, ничего не требовала взамен.

Александр важно ходил по селу, обнимаясь то с одной, то с другой девушкой. Он был очень красивым юношей: высокий, степенный, с голубыми глазами и длинными черными ресницами. Молодой человек был из зажиточной семьи Петровых. Его мама, уроженка села, женщина властная, уверенная в себе особа, к выбору сына относилась без должного уважения. Она всегда говорила: «На ком скажу, на той и женится, лоботряс.»

Александр недавно пришел из армии. Выглядел мужественным защитником Родины, очень сексуальным молодым человеком. Деревенские невесты вешались на него как игрушки на елку. Все понимали, что ему нужно жениться. Был такой обычай на селе: сходить в армию, построить дом, жениться, нарожать много детей. Образование в счет не бралось. Были бы руки да здоровье! Девушкам тоже образование было ни к чему. Главная их задача, – стать хорошей женой и матерью.

Они могли печь хлеб, доить корову, делать закрутки на

зиму и воспитывать детей. На маленькую худенькую Лиду смотрели свысока, потому что понимали, что такая «тощая» невеста не подходит Александру. Они знали наверняка, что его мать будет против такой жены, которая корову не умеет доить. И были совершенно спокойны по поводу того, что он с нею встречается. Знали, что это очередная игрушка в его руках.

– Поматросит, и бросит! – говорили они, смеясь.

– Лидия Васильевна, когда ваша свадьба? – с издевкой спросила великовозрастная ученица, сидевшая за первой партой.

– Только после вашей будет моя, – отвечала Лида, смущаясь.

– Сань, а Сань, когда у вас свадьба? – не унималась подруга.

– Да прямо сейчас после уроков, – отвечал, смеясь, Александр. – Вам не терпится на свадьбе погулять на халяву, да?

– Нет, мы интересуемся, потому что Валька, твоя бывшая, спрашивала, когда ты нагуляешься и к ней вернешься.

– Передайте Вальке, чтоб сватов с моего двора не ждала. К ней не вернусь, пусть за Петра выходит. Я дружком на свадьбе буду. И крестным потом. Пусть дурыню не мается, в девках засидится.

– Лидия Васильевна, а вы дружкой у Вальки на свадьбе будете? – продолжала допрос девушка с первой парты.

– Я вижу, у нее без меня подруг хватает, так что нет та-

кой необходимости на сегодняшний день. Но все, прозвенел звонок, не отвлекаемся, начинаем работать.

– Тоже мне работа мелом на доске писать! – засмеялись девушки.

– Хорошо, если это отдых, идите отдыхать вместо меня, прошу к доске, – сказала, улыбаясь, Лида.

Глава 9

На выходные Лида Николаенко и Оля Снежко приехали в гости к Олиным родителям. Леночка и Вера решили навестить родных. Одна поехала в Молдавию, другая, – в Белоруссию.

Оля часто возила девочек к себе в гости. Из всех приезжих девчонок, она жила ближе всех к Горькой Балке. В райцентре, – Шпаковское, в пяти километрах от города Ставрополя.

Родители Оли были очень гостеприимные. У них всегда жили родственники, племянники, чьи-то внуки, дети. Мама Оли была самая красивая на юге женщина и самая мудрая.

У нее были черные волосы, которые в контрасте с голубыми глазами, как у дочери Оли, приковывали взгляды людей. Что-то неземное, божественное в лице этой красавицы захватывало тебя с первой минуты, и ты сразу начинал любить и уважать этого человека. Становился его другом и почитателем. Мама Оли работала в школе воспитателем в группе продленного дня. У нее было три дочери: Оля – старшая, Ира – средняя и Галя, – младшая. Первые две девушки были погодками, а младшая Галя на десять лет родилась позже.

Отец дочек очень любил, только никогда не показывал им этого. Он был единственным мужчиной в семье, добытчиком, все подчинялись ему беспрекословно.

Также считался первым мужчиной и в райцентре! Потому что имел после войны грузовик «Полуторку», – машину, без которой не обходился ни один двор.

Кто-то переезжал, кто-то вез на рынок картофель, кто-то собирался по дешевке доехать до краевого центра. Все просили серьезного немногословного дядю Федора подвезти их за определенную плату. Поэтому вечером отец приходил с работы, вываливал рубли, копейки из целлофанового пакета. Девочки радостно встречали папу. Им очень нравилось, что он всегда привозил шоколадки и сладкие петушки на палочках.

В красавице-жене он видел ангела, любил ее безмерно, но никогда не сказал ей ни единого ласкового слова. Важно заходил в дом, делал много замечаний, садился есть, потом с газетой заваливался на кровать. В этот момент его нельзя было трогать. К нему никто не подходил, пока он отдыхал. А если готов был кого-нибудь выслушать, то открывал дверь в свою спальню, это было знаком, что его можно было беспокоить.

Оля ходила вокруг да около открытой двери, не решаясь зайти, чтобы спросить у отца насчет свадьбы. Мама тоже была чем-то занята, Оля не хотела беспокоить и ее.

– Оля, ну как там у вас в деревне, красиво? – спросила, подбегая, младшая сестра Галя Снежко.

Она считала себя уже взрослой девушкой, потому что училась в девятом классе.

– Красиво, – отвечала Оля, улыбаясь.

– А жених у тебя есть? – не переставала задавать вопросы младшая сестра.

– Есть, а как же! – гордо ответила старшая сестра Оля Снежко. – А у тебя одни женихи на уме, да? Как же учеба?

– Ты за меня не сильно переживай, я все успеваю. Я – отличница и умница!

Девушка действительно была хороша собой. Стройная, зеленоглазая, с крупными выющимися локонами; правильные черты лица, бархатная кожа говорили о ее благородном происхождении. Прабабушка у них была «столбовою дворянкой», как ее называл их прадед.

– Нашел, говорит, я ее у столба во дворе, вот и называю теперь так! – шутил он.

Галя была точная копия той «столбовой дворянки», только очень современная. Она носилась на мотоцикле по селу. Гоняла так, что мальчишкам было ее не догнать. В школе тоже училась лучше всех, да и по дому работа была вся на ней, потому что две старшие сестры были студентками. Обе учились в Москве. Оля в МГУ, Ира – в институте Советской торговли.

Все три сестры были совершенно разными. Средняя сестра, Ирина Снежко, очень отличалась от всех тем, что была очень вспыльчивая. У нее в характере находился ген «сверхсправедливости». Она непримиримо боролась с недостатками окружающих. Все недоумевали, почему такая маленькая

хрупкая красавица с васильковыми глазами ничего не боится. Она так зло сверкала своими огромными глазами, когда видела несправедливость бытия, что все боялись ее.

Ира была совершенно бесстрашным человеком. Могла смело пойти навстречу толпе подонков, сказать им в глаза все, что про них думает. Как ни странно, ее никто никогда не обижал. Даже бандиты местные уважали за смелость. Ира Снежко была у них в авторитете. Она была честной. Даже преподаватели института Торговли в Москве побаивались ее, потому что она ненавидела фальшь в любом ее проявлении. Когда поднимала руку на лекциях, все уже заранее знали, сейчас начнется разбор полета, преподавателю будет жарко! Сестрички ее очень любили, но тоже побаивались. Не дай Бог попасться ей под горячую руку!

– Оля, ты ж еще не знаешь, что наша Ирка замуж выходит?! – закричала Галя, вспомнив последнюю новость.

– Да ты что? За кого?

– Он не здешний, учится в Москве, в Тимирязевской академии. Представляешь, он тоже идет на красный диплом, как и ты. Они уже к свадьбе все приготовили. Будут играть ее у жениха, потом у нас. Так его мама захотела. Ирка говорит, вообще никакой свадьбы не хочет. Сказала, если он хочет маму уважить, пусть будет свадьба у них дома. Моих родителей, говорит, нечего напрягать. Мы, – нищие. У нас денег на всякую ерунду нет. Подумаешь, – говорит, – ты в женихи не нарядишься, я в невесты. Я не приветствую эти маскарады.

Она у нас, как всегда, огонь справедливости полыхает! Но мужа будущего очень любит. Говорит, он умный красивый. От него будут умные красивые дети.

– А мама видела зятя?

– Нет, пока не видела, но очень переживает, что все не как у людей. Говорит, что люди осудят, если свадьбы не будет. Я ей сказала, чтобы не переживала, у меня будет аж две, – засмеялась младшая сестра.

– Я тоже, наверное, замуж выйду, – поделилась секретом Оля. – У меня жених есть. Тоже умный и красивый. Но он моложе меня, не знаю, как маме об этом сказать. Боюсь, она против будет.

– Не будет! Наша «столбовая дворянка» тоже старше мужа была. Мама уже с нами ко всему привыкла. А папа поворчит да успокоится. Ты точно замуж собралась?

– Честно сказать, сама не знаю, – обняла младшую сестренку Оля. – Я еще думаю.

– Собралась, собралась, – сказала подошедшая Лида Николаенко. – Парень очень хороший, коллега наш, давно замуж ее зовет. Она все раздумывает. У меня тоже жених есть, первый парень на деревне, правда не торопиться брать в жены пока. Наверное, мама не разрешает. На деревенской хочет его женить.

– Девчата, если парень полюбит, никакая мама не сможет стать помехой, – уверенно заявила Галя Снежко. – Я точно знаю, если мужчина любит, ни перед чем не остановится.

Вон, Ирка наша, вообще не думали, что ее с таким характером кто-нибудь не побоится замуж взять. Видите, нашелся смельчак. Говорит, люблю больше жизни, никому не отдам!

Сестры Снежко были очень дружны между собой, очень переживали друг за друга. Особенно баловали младшую сестру. Она пользовалась таким положением, ей нравилось, что она самая маленькая в семье. Мудрая была вся в маму. Десять и девять лет разницы с двумя старшими сестрами казались огромной, когда ты маленький. Когда вырастаешь, эта грань стирается. Да и опыт воспитания старших сестер не прошел даром. Девочки часто брали Галю Снежко с собою на взрослые посиделки. Она с любопытством наблюдала за всем происходящим и всегда подражала им, старалась быть похожей на старших сестер. От Оли переняла некоторое выскомерие и строгость, от Ирины – воинственность хулиганки. Но иногда, забыв наказания старших сестер, забыв, что старшеклассница, лазила по заборам в сады, гоняла по улицам собак и целовалась в кустах сирени с мальчишками, которые в ней души не чаяли.

– Галка, домой! – кричала в окно строгим голосом мама. – Хватит с женихами засиживаться. Посидит, поцелуется, потом парни под домом всю ночь дерутся. Давай заходи!

– Мам, да мы с Олей и Лидой секретничаем, сидим, семечки щелкаем. А ты на всю улицу опять кричишь, меня позоришь.

– Старшие посерьезнее тебя! У них столько женихов не

было! Об одной учебе думали. А ты только о мужиках. Вся в отца пошла, гулена!

– Мамуля! Мы, правда, вдвоем сидим, я, Лида и Галя. Выходи, посмотри, женихов нет, – оправдывалась Оля.

– Вам бы с Лидой пора уже завести. Годков-то немало.

– А я замуж решила пойти на следующей неделе, – смеялась Оля. – Можно, ма? Ты не против?

– Давно пора! Не против, выходи. Он хоть не негр?

– Почти что негр! Тоже кучерявый, темнокожий, – уже хохотала во весь голос Оля.

– Хорошо. Отец обрадуется. Ему лишь бы мужик был. Пойду, обрадую, что у него зять будет негр, будет с кем на рыбалку ходить, рыбу пугать, – засмеялась мама в ответ.

Вечерами на улице райцентра было темно. Южная ночь с высоким звездным небом казалась огромной и невероятно спокойной. Только слышалось, как вдалеке лаяли собаки, трещали кузнечики, ругался сосед с применением крепких матерных словечек. А впереди была неизвестность, такая же огромная и таинственная, как звездное южное небо.

Глава 10

Ефим Ефимович организовал Оле Снежку и Жене Черкашину настоящую комсомольскую свадьбу. Такого праздника не было в селе давно. В школе в спортзале составили столы огромной буквой «П». Из дома принесли столько еды, что после свадьбы еще ели целую неделю. Разные деликатесы украшали столы. Мясо выделил председатель колхоза. Была и свинина, и баранина, и говядина. Салаты готовили лучшие хозяйки села.

Соления для закусок доставались из закромов самого высшего качества. Во главу угла поставили десятилитровые бутылки самогона мутного серого цвета местного производства. Играл настоящий духовой оркестр.

Невеста была одета в красивое белое платье, сшитое на скорую руку сельскими модистками. В прическе переливались нежным блеском белые красивые цветочки-шпильки, которыми крепилась воздушная фата. Жених был в строгом темном костюме, в белой рубашке и галстуке. Он, как всегда, был похож на иностранного дипломата. Жених от счастья все время улыбался, держал Олю за руку, не мог отвести от нее взгляд.

Невеста виновато смотрела на маму, которая с серьезным видом сидела на свадьбе на месте самого важного приглашенного гостя. Она единственная из всех родственников по-

верила, что это не шутка. Собралась и приехала в село Горькая Балка одна. Папа, получив телеграмму такого содержания: «выхожу замуж, приезжайте свадьба субботу, люблю оля. тчк», сказал:

– Розыгрыш, какая там свадьба?! Неделю назад была дома, ничего не сказала, все шутила, что за негра выходит. Мать, ты поверила, поедешь? Я умный, никуда не поеду. Деньги нечего тратить. Видать, соскучилась, выпендривается. Откуда взялся жених? Не было, и вдруг получите зятя.

Мама смотрела очень серьезно на молодых, улыбнулась, заметив, что дочь счастлива. Ей было очень приятно слушать, что говорили про ее дочь директор школы Ефим Ефимович, председатель колхоза Светлов. Они говорили, что Ольга Семеновна украшение школы, что ответственный работник, что с нею можно и в разведку. Она заметила, что у них дружный коллектив, что живут, как одна семья. Очень хвалили и Женю Черкашина. Говорили, что толковый специалист, что дети его очень любят, что он будет за Олиной спиной, как за стеной. Именно так и сказали, что все в нем хорошо, но очень стеснительный интеллигентный молодой человек.

– В наше время таким нельзя быть. Нужно чуть – чуть попробивнее жить, – говорила Людмила Егоровна. – Все бы хорошо, но плохо то, что не научила я их пить водку. Видно, друг друга поэтому и нашли, что оба трезвенники. У Жени аллергия на пиво, у Оли – даже на пробки!

Учителя дружно посмеялись, потанцевали, пришло время дарить подарки! Они вручили самое драгоценное, – это стиральную машину и телевизор! Радости молодоженов не было границ. Ребята прыгали, смеялись, о таком богатстве даже не мечтали. Но самый главный подарок сделал председатель колхоза – Светлов Виктор Алексеевич. Он объявил, что подругам, проживающим с Олей, предоставляет новое жилье! А дом вместе с усадьбой дарит молодоженам!

– Это пока, – сказал он, – скоро достроим двухэтажные коттеджи, нарожаете детей, мы вам подарим коттедж!

Девочки радостно переглянулись. Вера с Леночкой почти одновременно спросили: «А мы успеем получить такие подарки, если на следующей неделе замуж выйдем?».

– Конечно, успеете, мои красавицы. Я целую улицу Ленина выстраиваю двухэтажными коттеджами со всеми удобствами, чтобы молодежь в село бежала, а не из села.

Свадьба была очень красивая и веселая! Не зря она называлась «комсомольская свадьба». Молодежь села Горькая Балка гуляла свадьбу до утра! Подарков было огромное количество. Все подаренные вещи были разобраны, выставлены на всеобщее обозрение. Советы по использованию давались тут же.

Дружная счастливая семья учителей, во главе с незаменимым директором школы Ефимом Ефимовичем, праздновала свою первую, но не последнюю учительскую свадьбу.

И, конечно, никто не заметил, как Клара Андреевна отве-

ла в сторонку пионервожатую Юльку, местную шлюшку, которая задолжала ей за дозу. И в срочном порядке приказала отбить у Ольги Семеновны Снежко новоиспеченного мужа. Юля с радостью согласилась. Но про это позже...

Утро следующего дня было для молодоженов значимым. Они первый раз проснулись в своем семейном гнездышке. Девочки съехали сразу после свадьбы. Оля с Женей на правах полноправных хозяев стали заниматься перестановкой, уборкой в собственном доме. Мама Оли осталась у них погостить с недельку и помочь молодоженам наладить быт. Она очень корректно объясняла дочери, что мужа нужно всегда слушаться, по любому поводу советоваться. Теперь она – мужнина жена и должна полностью ему подчиняться.

– У вас появилось семья! Это значит, вы увеличились в семь раз. Семь «я». Никогда не спорьте, чье «я» самое главное. Вдвоем вы – сила. Теперь никого и ничего не бойтесь, потому что у вас семья. Дьявол обычно окутывает своим колдовством одиноких, потому что ему легче с ними справиться. Людей, зарегистрировавших брак, ему не одолеть. А если повенчаетесь в Церкви, вообще ему вас будет не достать. Запомните, несмотря ни на что, вы должны помогать, уважать, уступать и беречь друг друга. Тогда проживете долгую счастливую супружескую жизнь, – говорила мама Оли, попивая по вечерам с ними чай.

– Mamочка, ты о чем? Какая церковь? Мы атеисты комсомольцы! А Женя вообще в партию вступает на днях. Меня

тоже зовут. Ты эти проблески антисоветской агитации брось! Темноту безграмотную не разводи! Никто нашему счастью не помешает. У нас же любовь. Нам некого бояться! Посмотри лучше новости. Видишь, как далеко цивилизация шагнула?! В космос! Гагарин туда полетел! Новости теперь даже смотреть можно. А ты дьявол, церковь?! Прошлый век!

– Все научные открытия с Божьего промысла! Это доказанный факт, – уверенно произнесла мама Оли. – Со мной тайно один профессор в церковь ходит. Он рассказывал, как к нему во сне Ангел пришел и продиктовал кое – что. Он после этого докторскую защитил и к Богу с поклоном побежал. Поверьте, как телевизор сделать, наверняка, тоже нашептали ученым ночью!

Мама покосилась на выпуклую коробку. Ей было в диковинку видеть настоящий разговаривающий, показывающий новости и концерты ящик. Она все время вздрагивала, когда подходила к нему близко и он начинал с нею разговаривать. Мама отпрыгивала от него испуганно и заливалась громким смехом.

– Вот диво-то какое?! – говорила она, – поеду, отцу расскажу, он не поверит. Мы в райцентре живем, а деревня дальше нашего шагнула! Здесь богаче люди живут. И мяса, сколько хочешь у них есть, и овощи, и фрукты. А председатель колхоза, какой молодец! Как отец родной всем! Ефим Ефимович, – тоже замечательный человек! Очень хорошие люди на селе живут.

– Мама, от хозяина все зависит. Хороший председатель всех счастливыми делает, плохой, – и себе не в радость! Хороший хозяин долго правит, плохой нужду справит и долой!

– И в семье так. Если вдвоем тянем, заживем! Если один, – то пропадем! – говорила мама Оле, задумавшись.

– Мамочка, вижу, не нравится тебе мой муж, почему, не пойму? – секретничала с мамой Оля.

– Нет, Оленька, пока сказать ничего не могу, нравится или не нравится. Жизнь проживете, посмотрю, тогда скажу. А пока помолчу лучше. Ничего не могу сказать, красивый очень добрый умный. Но какой-то не наш, не простой. Видишь, с ножом, вилкой ест, как граф какой. А мы люди простые, – «столбовые дворяне», как отец говорит. Нам бы все руками да деревянной ложкой, чтоб близость к природе ощущать. И скрытный очень, сидит, молчит, себе на уме. Хитрый какой-то!

– Мама, он хороший, любит меня очень. Разве этого мало?

– Хватит на первый раз! Жизнь все расставит на свои места. Мужик должен быть добытчиком. Пропадешь ты за ним дочка. Тебе придется все делать самой в этой жизни. Сначала будет не очень тяжело, детей ведь нет, потом сложнее. А там кто его знает, что будет дальше? Один Бог ведает!

– Мамочка, опять начинаешь? О чем ты говоришь, какой Бог? Это все предрассудки. Каждый человек должен судьбу свою сам сделать. И вообще, каждый человек сам себя воспитать должен.

– Я тебя переубеждать не буду. К Богу каждый приходит сам, без чьей-либо помощи. Когда Создатель захочет, чтобы ты к нему пришел, даст знать.

– Правильно, не нужно переубеждать. Я же атеистка и комсомолка с высшим образованием. Все остальное от темноты, от незнания.

Мама Оли посмотрела на взрослую дочь, улыбнулась, задумалась и произнесла: «Мы вас ждем в гости на Новый год. Ты же знаешь, это наш любимый семейный праздник. По традиции, где бы вы не были, должны приехать в родительский дом».

– Отлично! Конечно, приедем! Можно телевизор с собой взять? – засмеялась, обнимая маму, Оля.

Мама посмотрела на говорящий ящик, улыбнулась:

– Не нужно, пусть будет, как всегда. Лучше посидим, пообщаемся, попоем. Детишки концерт покажут, спектакль поставят. Отдохнем по-семейному. Телевизор нас только отвлекать будет. Зачем нам чужой гость на семейном празднике? Да еще такой смешной?!

Мама засмеялась и помахала пальцем своему новому другу – телевизору.

Глава 11

«...Пять минут, пять минут, с Новым годом, с новым счастьем!». Музыка лилась из рупора проезжающего автобуса. Женя и Оля Черкашины бежали счастливые, с подарками на рейсовый автобус, который вез их к Олиной маме и папе.

Самое большое село Шпаковское стало самым маленьким районным городком Михайловск с тем же названием, каким давным-давно была их деревня Михайловка. С одной стороны, она срослась с краевым центром. С другой – ее от города отделял глубокий овраг. По селу текла узенькая извилистая река, – Чла, которая больше похожа была на грязный ручей для отбросов. В ряд между деревней и городом выстроились птицефабрики. Они издавали далеко не французские ароматы. Краевой центр город Ставрополь находился в пяти километрах от села. Там везде лежал асфальт, на улицах горели фонари. Пригородный автовокзал расположился напротив Железнодорожного вокзала. На мешках лежали уставшие селяне, которые не смогли продать картофель на местных городских рынках. Детвора бегала тут же, рассматривая диковинку века – автобусы, привязанные к проводам, – городские троллейбусы. Транспорт приходилось ждать по несколько часов. Пока не стемнеет. И тогда город оживал, загорались уличные фонари, освещавшие голубое здание железнодорожного вокзала и бегущих с поклажей людей, спе-

шащих на последний автобус.

Заезжая через пять километров в деревню Михайловка, человек сразу становился слепым и глухим. Темнота была такая, что в десяти сантиметрах от лица ничего не видно, а тишина – того и гляди лопнут ушные перепонки от давящего безмолвия.

Улицы были узкими неудобными и очень кривыми. Видно дороги делали там, где ходили быки с повозками. О будущем, как говорится, не думали, потому, что знали, что оно придет еще нескоро. И, конечно, его лично не коснется.

Люди здесь жили улыбчивые и злые одновременно. Так бывает, что человек тебе зло улыбается. И не знаешь, что думать: ты ему не нравишься или нравишься настолько, что он тебя ненавидит?

– Привет, Оля! – зло улыбаясь, произнесла соседка Агафья Гундосиха.

Так звали местную, все говорили, – ведьму.

А ведьмой ее считали потому, что она курила. Вроде бы взрослая женщина, а с сигаретой в руках. Как это казалось в то время не симпатичным. Да и во все времена курящая женщина смотрелась, как ведьма. «В зубах сигарета, земляной цвет лица, потухшие волосы и взгляд, не хватает только метлы!», – так говорили мужчины, глядя на курящих женщин.

– Здравствуйте, тетя Агафья, – ответила Оля, прижимаясь ближе к своему мужу.

– Красивый, чертяка! – сказала, выпуская дым, ведьма-со-

сидка!

– Я рада, что он вам нравится!

– Да радоваться тебе недолго осталось. Ждет тебя впереди ужасная жизнь с твоим красавцем! Кровь одну вижу! У Ирки твоей такая же фигня с замужеством! Слезы, слезы, одни слезы.

– Спасибо, добрая фея, – сказала, смеясь, Оля! – Другого от вас не ожидала. Никто сегодня не налил что ли? Не похмелились, видно?

– Смейся, смейся, напоследок. Годочек еще посмеешься, там вспомнишь тетушку Агафью.

– Я про вас никогда не забывала, – произнесла Оля, все так же смеясь.

– Хорошо, что не забывала. Закрутит тебя жизнь так, что завоешь!

Оля вновь засмеялась, помахала рукой местной ведьме и крикнула в темноту: «Правильно! Круговорот в жизни и природе – неразрывная цепь событий! Вы разве не знали?».

Муж сильнее прижался к Оле, не оглядываясь, произнес:

– Ну и экземплярчик? У вас тут все такие прорицательницы?

– Да, наше село называют, – Ведьмин Яр в простонародье! Говорят, здесь одни ведьмы живут!

– Точно, Ведьмин Яр. Ты же меня околдовала, влюбился в тебя без памяти, так счастлив, что даже боюсь сглазить, – сказал Женя, целуя жену.

– Я тобой околдована тоже. Не бойся никакого сглаза. Его не существует! Я, например, вообще ничего не боюсь. А таких, как Агафья, мне просто очень жаль. Она думает, что всем миром управляет, забыла, где правда, где ложь. Сидит, колдует что-то, сама хуже всех живет. Видел, какая хата покосившаяся у нее, бурьян везде растет.

– Да я вообще ничего здесь не вижу, кроме тебя. Как ты здесь ориентируешься? Мне кажется, я сейчас отпущу тебя и сразу в Ведьмином Яру окажусь.

– Завтра я тебе покажу, где мы идем, – засмеялась Оля. – Ты правду сказал, если бы меня отпустил, точно в Яру оказался. А в Ведьмином или в Агафьином, – это еще вопрос.

Войдя во двор, Оля радостно вздохнула и потянула за собой любимого мужа. Возле дома стоял очень высокий столб, на нем висела яркая лампочка. Слева от калитки виднелся добротный кирпичный дом, справа, – маленький аккуратный домик, – летняя кухня.

Летней называлась не потому, что работала только летом. Кухней пользовались всегда: летом, зимой, осенью, весной. Летней называлась потому, что в ней любили спать. Там было прохладно от земляных полов, не кусали комары, марлевая шторка закрывала двери.

Летняя кухня всегда была открыта, потому, что все любили там находиться. Стояли два дивана, стол посередине и, конечно, печка. Удобно усевшись на диваны, сестры могли друг друга видеть, слышать, наговориться вдоволь. В ма-

леньком домике зимой тоже было очень уютно от горевшихся в печи дров.

Сестры любили дружеские посиделки в маленьком уютном домике под настоящий серебряный самовар. В большом доме вся семья собиралась обычно только на большие праздники, такие как Новый год, юбилеи, дни рождения. А в летней кухне сестры уединялись посекретничать, когда приезжали в гости к родителям.

В большом доме молодоженам выделили отдельную комнату. Приехала средняя сестра Ира со своим мужем Владимиром. Зятья познакомились, быстро нашли общий язык. Тесть оценивающе рассматривал двух молодых зятьев. Не было понятно, – они ему нравятся или не очень пришлось ко двору.

– Что ж ты за мужик, что не пьешь? – сказала с упреком мама Оли, обращаясь к Жене. – Смотри, вон Володька, – настоящий мужик: раз и выпил залпом. А ты что-то темнишь, не нравимся мы тебе, даже водка не лезет?

– Мамочка, хватит к моему мужу приставать! Не пьет он у меня совсем. Если выпьет, ему плохо становится. Вы же не хотите, чтобы зятю плохо было?

– Правильно, что не пьет! Я, например, тоже не пью, – поддержала сестру Ира. – Это ж не значит, что я плохой человек. Вова мой боится всех обидеть, поэтому прикидывается своим. Зато я всех правдой бью, никого не боюсь! Даже когда к свекрови приезжаю, она от меня прячется.

– Ирка, мы знаем, как ты умеешь правдой махать! – засмеялся отец. – Помнишь, как учительница тебя из класса вместе с партой вытаскивала, когда ты ей змею на стол подкинула?! Училась ведь отлично, но фальшь не признавала ни в каком ее проявлении. Учительницу не жаловала, потому что та все время врал.

– Правильно, чему она могла научить? Вранью! Я ей так и сказала: «Вы мне не указ! Когда врать перестанете, тогда я вас слушать буду».

Не только в школе побаивались Ирину Снежко. Она была заводила всех недовольных в университете тоже. Гиперсправедливость не давала ей покоя. Преподаватели вздохнули, когда она окончила институт Советской Торговли. Парни ее тоже остерегались. Все думали, что она никогда не выйдет замуж. Не могли представить, – кто рискнет быть рядом с нею. Каким смелым должен быть мужчина, чтобы не испугаться ее жесткого характера!

Все были очень удивлены, когда она вышла замуж за симпатичного улыбчивого парня. Володя был очень добрым молодым человеком, никогда не повышал голос. Всегда соглашался с Ирой. Никогда с нею не спорил. Он всегда пытался мягко объяснить ей, где она была неправа. «Душа компании», – называли его друзья. Володя шутил, рассказывал анекдоты, красиво пел и очень любил Иришку, так он ее называл.

Парень из простой деревенской семьи всего добился сам.

С отличием окончил школу, Тимирязевскую академию. В многодетной семье числился первым помощником и самым любимым сыном, потому что был ласковым и добрым.

На Новый год Ира и Володя приехала со своей двухмечной дочкой Наташей. Девочка была точной копией самой Иры. Такой же синеглазой, с темными кудряшками. Носик крошечный, алые пухлые губки бантиком вырисовывались на матовом кукольном личике. Папа Вова в ней души не чаял. Баловал ее, постоянно носил на руках, убаюкивал, нежно прижимая к себе.

Володя помогал Ире во всем: купал любимую дочку, переодевал, постоянно гулял с нею. Ребята после академии ждали распределения, куда пошлют Володю на работу. Жена должна была ехать вместе с ним туда, куда его направят.

– Давайте, танцевать! – весело предложила Ира. – Я уже сто лет не танцевала.

– Целых одиннадцать месяцев, – напомнил Володя. – Девять месяцев беременности, два месяца нашей Натульке.

– Для меня это вечность. С таким токсикозом, как у меня, думала, беременная лет пять, – вздохнула Ира. – До родов мы с Володей на всех танцевальных конкурсах побеждали. О нас говорили, что мы самая красивая, самая выносливая пара. Мы оба, – лидеры! Привыкли быть всегда первыми.

– А мы лучшие по чтению стихов! – сказала, вскакивая Оля. – Я и Женя – мы всегда выигрываем все конкурсы тоже!

– Мать, у нас оказывается целый дом артистов! Давай

устроим соревнование: кто кого перетанцует, стихов больше всех знает, – засмеялся подвыпивший отец большого семейства. – Семья на семью! А Галка, наша младшая, будет вам оценки ставить. Идите, готовьтесь, даем десять минут на подготовку. А мы пока с мамой споем для вас:

– Гой дивчина шум и тгай, кого любишь забувай, забувай! – звучал красивый голос отца на всю Михайловку, которую в этот Новый 1963 год переименуют в село Шпаковское.

Весь вечер молодежь и старики смеялись, разыгрывали разные сценки, соревновались и дружно пели свои любимые песни.

В семье Снежко все любили петь и танцевать. Работать тоже любили. Правду говорят, – кто умеет хорошо отдыхать, тот и работает лучше всех! Душа, она у каждого труженица. У кого ноет каждый день, у кого злиться, у кого, – поет! Душа и спит по – разному: переживает, томиться или в покое нежится. А бывает, откликнется на сердцебиение, и парит над сном без всяких видимых заслуг! Душа поет, душа танцует, она то плачет, то ликует!

– Мне что-то не по себе, – сказала Оля, наклонившись к сестре. – Не пойму, что со мной, голова кружится, постоянно тошнит.

– Ольга, – ты, наверное, беременная, – сказала Ира, обнимая сестру. – Смотри, родится у меня племянник или племянница. Сколько разница будет между нашими детьми? Они как мы погодками будут?!

– Не говори пока маме. Пусть сюрпризом будет, – тихо приложив палец к губам, – попросила Оля.

Неожиданно разговор прервал настойчивый стук в окно. Оля от испуга вскрикнула. Ира даже бровью не повела. В этот момент вдребезги разлетелось стекло в окне. В комнату влетел огромный булыжник.

Оля с Ирой непонимающе смотрели друг на друга. С улицы слышался противный душераздирающий смех. Явно смеялась женщина. Отец Оли, Семен Яковлевич, схватил реликвию предков, – семейное ружье-двустволку, зарядил его на ходу патронами, выскочил на улицу. Раздался громкий выстрел.

В это время со всех сторон взрывались новогодние фейерверки, салюты в честь Нового года. С неба сыпались огненные фонтаны со свистом и грохотом! Все вокруг сияло, трещало, горело, напоминая, что Новый год наступил. Стрельба новогоднего переполоха отвлекла девушек от неприятного инцидента. К тому же улыбающийся Семен Яковлевич заглянул в разбитое окно и громко пошутил, обращаясь к Валентине Матвеевне:

– Мать, наверно, мои невесты мстят, что я на тебе женился!

Дочери засмеялись, посмотрели на любимого отца, решили продолжить праздник, не вспоминая про случившееся.

Семен Яковлевич тут же вырезал вместе с зятями новое стекло из старых запасов и провел мастер-класс для дочки-

ных мужей.

Глава 12

После того злополучного Нового года быстро пролетели восемь месяцев Олиной беременности. Август был очень жарким. На юге всегда так бывает. Лето – так жара, осень – ветрено, а зима – суровая, до мозга костей пробирает.

Странное дело, человек отличается от животных тем, что всегда всем недоволен. Собака радуется морозной зиме, жаркому лету, дождливой осени и прохладной весне. Лишь бы хозяин был рядом. Тогда пес виляет хвостом и счастлив в любую погоду. А человек ждет не дождется зимы, чтобы опять на нее ругаться: «Господи, – говорит человек. – Как мне эта зима надоела!». Хотя зима только началась?! А человек уже ждет лета, чтобы сказать: «Господи, как меня жара достала!». Человеку всегда зимой холодно, летом – жарко, осенью – дождливо, весной – прохладно!

В Горькой Балке куры спасались от жары, купаясь в пыли. Собаки закапывались под деревья. А люди, закрыв напроочь ставни, сидели в темноте прохладных комнат и ругали лето. Листья на деревьях никуда не могли спрятаться, скручивались в трубочку. Только сельская детвора была всем довольна, не вылезала из черной речки, вода в которой закипала от солнца.

Оля все время говорила, что ей тяжелее с каждым днем носить большой живот.

– Наверное, поеду к маме рожать. Все-таки там город рядом. Если что, меня хоть спасут. Жень, все равно каникулы, давай поедem к нашим. Мне будет спокойнее, если я буду рядом с мамой.

– Хорошо, поедem. А ты в такую жару выдержишь поездку? – спросил он взволнованно.

– Конечно, выдержу! Ты же рядом будешь, мне с тобой ничего не страшно, – говорила Оля, ласково глядя на мужа.

– Скоро меня в армию заберут, все так не вовремя. Не хотел говорить, в военкомат сегодня вызывали, сказали, чтобы готовился к осеннему призыву.

– Может быть, перенесут на весенний? Скажи, что жене рожать летом. Ты же ребенка должен увидеть? – успокаивала она мужа.

Пролетали денечки так же быстро, как летние каникулы. Женя не торопился везти ее к маме. Оля продолжала ходить на работу, делать домашние дела. Постирав постельное белье, Оля развешивала тяжелый пододеяльник во дворе.

– Ольга! Когда разродишься? – кричала Клара Андреевна через забор. – Говорят, на днях родишь. А кто будет – мальчик или девочка? По животу вижу, что девка. Тебе денег не нужно дать взаймы под проценты? На пеленки, на кроватку. А то у меня пока есть чуть лишние.

– Нет, спасибо, Клара Андреевна. Я насобираю с зарплаты, и отпускные есть. Мне пока хватит.

– Ну, как знаешь, как знаешь. А то, если что, я тебя ува-

жаю. Тебе под десять процентов в месяц дам, а не по двадцать, как всем.

– Клара Андреевна, вы читали Достоевского «Преступление и наказание»? Там о процентщице речь идет.

– Так это ж когда было? Наверное, давным-давно. А я только от своей доброты предлагаю, да хорошим людям. А цветочки тебе не нужны? Или травка у меня разная есть, – засадишь себе огород травкой, у вас все равно ничего не растет, – хохотала во весь голос Клара.

– Почему ничего не растет? Смотрите, Женя помидоры посадил, уже вовсю спеют и картошку мы в этом году сажали, даже подсыпали ее.

– Ага, подсыпали?! Загорнули бурьян в кустах земель. Это теперь называется «подсыпали»! – продолжала смеяться Клара Андреевна.

Соседка-процентщица была очень жадным и завистливым человеком. Она была уверена, что делает добро всем людям, давая денег займы под большие проценты. Себя она считала очень умной и хитрой женщиной. Подозревала всех во всем, видно, судила по себе. Она никому вообще не верила, считала всех дураками.

Клара Андреевна родила троих детей, которые были не очень довольны своим появлением на свет, потому что постоянно кричали на мать, высказывая свое пренебрежение. Все в этой семье жили обособлено друг от друга. Дети не ценили и не уважали родителей. Они даже не были благодарны

маме за то, что она своим «процентным бизнесом» обеспечила их жильем. Клара всем детям купила квартиры. Но они счастья им не принесли.

В отремонтированных квартирах так никто и не жил. Мебель покрылась паутиной и пылью. Квартиры стояли никому не нужные, просто для галочки, что у них они есть. Дочь вообще не разговаривала с матерью уже восемь лет, потому что обиделась, ведь ей купили квартиру в старом фонде, а двум младшим братьям – в новом. Она мстила Кларе Андреевне, не разрешала дочери общаться с бабушкой и дедушкой.

– Ольга, когда срок ставили рожать: в сентябре или в конце августа?

– Клара Андреевна, вам зачем? Врачи сказали – летом. Поживем – увидим.

– А я думаю, что на днях, – не отставала назойливая соседка.

Клара была неприятным человеком в общении и внешне. Она всегда носила грязную одежду. Лохматые нечесанные волосы выглядывали из-под рваного платка. От нее неприятно пахло, потому что она мылась редко, экономила воду и ругала своих переростков-сыновей, что те очень часто чистили зубы, тратили много воды.

Сыновья Клары были уже взрослыми мужчинами, но, похоже, не собирались создавать семьи. Скорее всего, из-за жадности боялись потратить деньги на своих будущих жен и невест, поэтому ни с кем из девушек даже не встречались.

Оля не очень любила вредную соседку, которая знала все про жителей села, распространяла сплетни. Но дефицит общения у Клары выливался в словесный понос при встрече с любым живым человеком, от нее трудно было отвязаться. Все старались сослаться на огромную занятость, лишь бы не попадаться ей на глаза.

– Клара Андреевна, извините меня, пожалуйста, но я очень тороплюсь. Нужно еще дела сдать Лидии Васильевне перед декретным отпуском. До свидания.

– Ой, прямо пяти минут не найдет для своей соседки. Я хотела рассказать, как твоего Женьку застукали с пионервожатой Юлькой в классе. Вся Горькая Балка об этом говорит. Только ты, дура беременная, ничего не знаешь. Он закружил с молодой местной красавицей. Тебе до нее далеко! У них уже три месяца, как любовь, – с ехидцей произнесла Клара Андреевна.

– А я знаю, я сама ее просила мужа ублажать, пока беременная, – соврала Оля, высоко подняв голову, и улыбнулась такой очаровательной улыбкой, на которую была способна молодая женщина, услышавшая новость от «чистого» человека, которым была грязная Клара.

У Оли все поплыло перед глазами. Она не могла поверить, сказанным словам процентщицы. Но подозревала, что с Женькой что-то происходит. Она замечала, что он больше всех уделяет внимание молодой пионервожатой Юльке. Но считала, что их отношения остаются только рабочими.

Она даже думать не смела, что Женя может предать ее, видела, что люди шушукаются за ее спиной, когда проходила мимо. Но в муже была полностью уверена. Она была счастливой женщиной, ожидавшей появления нового человечка. Оля сразу вспомнила, что последнее время девочки перестали ходить к ним в гости, избегали общения и всегда прятали глаза, когда она спрашивала их, почему не заходят к ним с Женей на ужин, как всегда.

Когда она развесила белье и стала заходить в дом, на порожах у нее вдруг сильно закружилась голова, перед глазами запрыгали черные круги. Оля стала терять сознание, не успев схватиться за дверь. Но сильные руки подхватили ее, она обмякла в руках Васи Гуляева, главного ветеринарного врача и друга семьи.

– Оленька, что произошло? Ты такая бледненькая! – сказал он, укладывая ее на кровать. – Вася махал на нее любимым юмористическим журналом «Крокодил», который был у него в руках, использовал его вместо веера. Как всегда, молодой человек влюбленными глазами смотрел на Олю. Он полюбил ее с первой секунды, когда увидел возле сельского Клуба, всегда говорил ей о своих чувствах, но Оля, кроме дружбы, не могла ему ничего предложить. Он так и остался для нее просто другом.

Молодой человек был очень высокого роста с очень доброй огромной душой. В селе уважали его за веселый нрав и умение дружить.

Вася продолжал ходить к Оле в гости, хотя она выбрала Женю. Он не верил, что это надолго. После Олиной свадьбы, на зло ей, женился на Вале, местной красавице.

Родители одобрили их брак, потому что Вася и Валя были из зажиточных семейств. Валя тоже на днях должна была родить ребенка. Этот год был очень урожайным на рождение новых горькобалковцев. Людмила Егоровна, учительница-актриса, тоже ждала в своей семье пополнения, хоть и была старородящей мамашей. У нее уже были две дочери, – десяти и восьми лет, но они с Владимиром Владимировичем очень хотели сына, решились еще на одного ребенка.

– Оля, что произошло? – испуганно повторил Вася. – Хорошо, что я рядом стоял, убилась бы об порожек точно.

– Да жарко очень, сама виновата, силы не рассчитала, пока белье вешала. Нужно было в прохладной комнате полежать. А я на солнце вышла, – сказала она, извиняясь.

– Нет, Валька моя молодец, лежит и лежит, бережется. А ты, как всегда, придумываешь себе дела, – отругал ее закадычный друг. – А Женька где?

– Не знаю, у них в летнем лагере какие-то соревнования. Наверное, скоро придет.

– Да, конечно, куда денется. Лучше, смотри, что я тебе притащил. Видела, какой барашек молодой, смачный. Хотел разделать, но решил тебе целого показать. Сейчас порублю, не переживай, – засуетился Вася, увидев расстроенную Олю. – Где у вас топор? А, вспомнил. Я его в старом доме

видел.

Вася уверенно зашагал в сторону старого дома. Слышно было, как он рубит молодого барана, как складывает мясо в таз, при этом ругается, что топор у них тупой.

– За меня нужно было выходить замуж! – кричал Вася. – Вот выбрала себе интеллигента безрукого, – возмущался верный друг. – Как ты его терпишь? Он же к жизни не приспособлен! Тебе не такой мужик нужен. Тебе нужен такой, как я. Эх, ты, что ты наделала? Упрашивал же тебя, чтобы за меня выходила, так нет, – «Я Женю люблю, Женю люблю!». Ну и где он? – возмущался Вася. – Не мужик он, совсем не мужик! Все на тебе одной! Топор вон и то тупой!

– Вася, хватит болтать. У тебя Валечка – самая лучшая девушка в селе. Самая красивая и хозяйка, не сравнить со мной. А ты, как тот кобель, по бабам бегаешь. Что ж вы за мужики такие поганые, все норовите под каждую юбку залезть, – стала кричать Оля. – Что вам не живется с одной женщиной, все ищете что-нибудь получше, а ведь мы все одинаковые! Никогда вы не найдете лучше, чем у вас есть! Вам это только кажется, что другая вас по – другому любить будет, по – другому оберегать. Все мы люди: ненавидим одинаково, мстим одинаково, любим, оберегаем тоже одинаково. Когда же вы, кобели, поуспокоитесь все?! – Оля лежала на кровати и рыдала.

– Ой, с тобой все ясно. Лучше я в другой раз зайду. Ты не обижайся на меня. Я очень люблю тебя, всегда любить буду.

А то, что не нравлюсь, тут ничего не поделаешь. Я буду все равно приходить, подкармливать буду, чтобы с голоду в обморок не падала, – сказал Вася, осторожно закрывая дверь.

Вася был очень видным парнем. Его любили все девчонки села. Вообще нужно сказать, Вася Гуляев и Саша Петров были самыми высокими и красивыми парнями в деревне. Вася был смуглым, с черными, как смоль, волосами, такими же черными глазами, а Саша был светло-русым молодым человеком с огромными голубыми глазами.

Жена у Васи тоже была жгучая казачка. Красавица Валя ходила по селу с длинной заплетенной косой, всегда модно одевалась, была очень веселой девушкой. Она, как и Вася Гуляев, была душой любой компании. Говорят, что люди одинаковые не могут жить вместе. Но Валя была мудрой женщиной, старалась быть в тени мужа, чтобы не расстраивать его.

Оля подружилась с Валею сразу, как только приехала в село. Она очень уважала ее, всегда советовалась с нею, делилась секретами. Местные девушки безоговорочно приняли в свои ряды приезжих молодых учительниц. Только девушки Александра Петрова не могли подружиться с Лидой Николаенко. Они видели в ней чужую.

Аристократка не могла понравиться им, потому что ее манеры были им не понятны, только раздражали сельских девушек. Их очень радовало, что Александр не делал Лиде предложения. Все уже подшучивали над их отношениями.

– Саша, когда женишься? Лидочку в девках заставляешь

сидеть.

– Я еще молодой, чтоб жениться, не нагулялся. Вот когда надоест, женюсь и не факт, что на Лиде.

Клара Андреевна тоже приложила немало усилий для того, чтобы Саша Петров не женился на Лиде. Она постоянно нашептывала его матери, что Лида ему не пара. Процентщица ненавидела всех новеньких учителей, потому что соседство было для нее мукой. До их приезда она спокойно собирала у себя во дворе подозрительных личностей, вроде этого уголовника по кличке Кавказец. Теперь вынуждена ночами пробираться на заброшенную кошару, где у них была блатхата. Местные туда не ходили, думали, что там живут ведьмы. Никто в селе не догадывался, что из – за усиления паспортного режима в крупных городах, бандитские группировки оседали в селах и деревнях. Клара Андреевна давно промышляла продажей наркотиков, которых в СССР, якобы, не было. Но молодежь с удовольствием злоупотребляла этим зельем, называя его – туркменский терьяк, казахский и среднеазиатский гашиш, марафет, индийская конопля. У всех распределены были роли. Например, «Достоевский» – это кличка тех, кто был поставщиком этой заразы. Кавказец как раз и был Достоевским. У него была «Шляпа». Имелось в виду «Соломенная шляпа» – маковая соломка. Атрибут всех главарей. Клара была его сообщницей, мамочкой этой наркоманской семьи. А тех, кого они травили этой заразой, называли – «Прокормышами». Но они долго не жили. Поэто-

му приходилось Кларе много работать, чтобы бизнес не за-
чах. Она втягивала в денежную кабалу молодежь, управляла
ими, как марионетками. Они были дрессированные шакалы.
Этого отребья хватало. Пионервожатая Юлька была тем са-
мым прокормышем. Она с таким усилием выполняла зада-
ние Клары Андреевны, чтобы получить очередную дозу, что
соблазнила не только Евгения Петровича, но и Сашу Петро-
ва заодно.

Клара-процентщица всю энергию направляла на то, что-
бы сжить со свету новых соседей. Никто не понимал, за что
она так ненавидит Олю Снежко и ее подруг. Почему хочет от
них избавиться. Но Клара Андреевна выполняла задание то-
го самого «Достоевского» по кличке Кавказец, который при-
казал ей выжить Олю Снежко и ее подруг из села Горькая
Балка. Клара догадывалась, что с Олей Снежко у него свои
счета. Какие, она еще не знала...

Глава 13

Оля лежала, плакала над горькой судьбой. Вспомнила слова Гундосихи Агафьи: «Ты еще поплачешь от своего красавца!». Вспомнила, как председатель колхоза тоже отговаривал ее от этого скорого брака. Он же, как старший товарищ пытался объяснить, что для семьи такой девушке, как Оля, нужен человек постарше. Например, такой человек, как он. Они все будто сговорились, в одно и то же время признавались Оле в любви. Сразу три человека: председатель колхоза, Светлов Виктор Алексеевич, который был на десять лет старше, Вася – ветеринар, ее ровесник. И Женя – учитель, младше ее на пять лет.

– Зачем я выбрала этого мальчишку? Пожалела, наверное, или действительно влюбилась. Умный, поговорить есть о чем. А он таким разговорчивым оказался. С одной женой разговаривать ему скучным показалось, так он за пионервожатую взялся, – рыдала Оля Снежко.

– Оля, что ты наделала?! – кричал Женя, собирая на полу разорванные кусочки от свидетельства о бракосочетании. – Ничего у меня с этой пионервожатой не было. Она сама всем рассказывает, что у нас с нею роман. Просто бегают за мной, как все малолетки в селе. Ты же знаешь, что я только тебя люблю. Зачем порвала свидетельство? Примета плохая. Теперь мы уязвимы. Мама твоя говорила, что дьявол окутыва-

ет всех одиноких. А мы же с тобой женаты, зачем порвала документ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.